

Исторический отдел.

АНГЛИЧАНЕ В ЗАКАСПИИ

Т. С. КОЗЛОВ.

Вступление.

Закаспийская область, оторванная от Советской России, представляла благоприятную обстановку для контрреволюционных выступлений.

Восстание эсеров и меньшевиков в июле 1918 года, приведшее к свержению советской власти, подготовлялось представителями английского империализма.

Упрочив свое влияние на юго-востоке, англичане стремились замкнуть блокадную линию от Колчака (через Кашгар, Туркестан, Кавказ) до Деникина.

По материалам Истпарта Сред. Аз. Бюро ВКП (б) видно, что связь у туркестанских белогвардейцев с англичанами в 1918 году была самая тесная.

Т. С. Болотов, в своей статье—„Из истории Осиповского мятежа в Туркестане“ („Пролетарская революция“ № 6, 1926 года) пишет, что стремление англичан оккупировать Туркестан, при помощи русских белогвардейцев, было еще до образования Закаспийского фронта.

Показания белогвардейца Цветкова, во время судебного процесса, рисуют планы англичан в Советском Туркестане в следующем виде:

„В апреле 1918 года я встретился с полковником Блаватским, с которым был знаком и раньше, не подозревая, что он состоит в президиуме военно-офицерской организации.

Узнав, что цель организации—создание более умеренных, чем большевистская, форм правления, я задал ему вопрос:—А если бы произошел какой нибудь переворот, то могла ли бы новая власть рассчитывать на содействие военной организации?—Ответ был утвердительный.

В мае (за полтора месяца до белогвардейского переворота в Закаспии), когда я был в Ашхабаде, Блаватский ездил в Красноводск на свидание с представителями английских отрядов в Персии. Как он мне потом передавал, разговоры свелись к совершенно ясным положе-

ниям: если совершится переворот, англичане готовы всем помочь новой власти; кандидатура генерала Кондратовича, как командира всех русских войск в Туркестане, принята.

Таким образом, впоследствии, генерал Кондратович стал во главе военной организации, а Блаватский сделался начальником штаба⁴.

Общее выступление против большевиков в Ташкенте, Ашхабаде и Фергане по плану военной организации намечалось одновременно. Закаспийским же белогвардейцам надоело ждать общего сигнала для выступления, тем более, что условия для Ашхабада создавались весьма благоприятные, а поддержка англичан обеспечивала полный успех переворота.

Приезд Фролова в Ашхабад и его опрометчивые действия ускорили развязку и Советская власть в Закаспии была свергнута.

Здесь, в Закаспии, так-же как и на всех участках многочисленных фронтов гражданской войны, особенно резко ощущалось участие „союзников“ (англичан), проводивших свою хищническую политику руками ими же состряпанного правительства. Помощь военной силой, снабжение белых всеми видами военного снаряжения, финансирование,—приводило к бесконтрольному вмешательству англичан во внутреннюю жизнь области и делало их полными хозяевами края.

Ближайшей целью интервенции, которую имели ввиду державы „Согласия“ была, прежде всего, борьба с большевиками. Вместе с тем „Союзники“, путем интервенции рассчитывали подготовить почву для превращения Азиатской России в свою колонию.

Источниками для нижепомещаемого очерка послужили нижеследующие материалы:

Журналы ВИК^а, совета управляющих и комитета общественного спасения за 1918—19 г., приказы и объявления белогвардейского Закаспийского правительства, переписка по интервенции англичан Закаспийской области, дела №№ 28, 119, 99, 386, 412, 619, 424, 452, 640, 641, 661 (Цуардел ТССР).

Газета „Голос Средней Азии“ за 1918 и 19 года, брошюра Мелькумова—„Ревдвигение в Туркмении“, В. Чайкина—„Казнь 26 бакинских комиссаров“ и воспоминания участников (Истпарт ЦК КП(б)Т), газета „Бакинский Рабочий“ за №№ 90—101 за 1926 г. (дело Фунтикова).

Т. С. Козлов.

I.

Появление „освободителей“.

Появление англичан в Закаспии, одновременно с падением Советской власти, замыкало кольцо общего открытого вооруженного выступления „Союзников“ против большевиков.

Это выступление на всех слабых участках гражданских фронтов, началось одновременно (июнь—июль 1918 г.).

Тонко рассчитанный империалистами, план интервенции опирался именно на этот момент, как наиболее тяжелый для Советской России.

Наивысший разгар гражданской войны, многочисленные фронты, успешное наступление чехо-словаков,—все это казалось началом падения Советской власти.

„Союзники“ не сомневались в успехе интервенции и рассчитывали, при наименьших усилиях и затратах, сыграть роль „спасителей“ России, и, одновременно, нанести последний, добывающий удар власти Советов.

В оккупированных районах, в глазах русского населения, англичане старались показать себя искренними друзьями, защитниками идей народовластия.

Выступая против большевиков во Владивостоке, Архангельске, на Мурмане, в Баку и Закаспии, они говорили:

„Мы пришли, как друзья, помочь вам освободиться от Германии, которая пытается закрепить ваш народ. Свободе, полученной вами во время революции, угрожает железная рука Германии. Собирайтесь вокруг знамени свободы и независимости, которые мы, ваши союзники, подыдем среди вас... Мы желаем вам помочь в деле развития естественных богатств вашей страны, не имея в виду эксплуатировать их в нашу пользу“.

Такая декларация была выпущена англичанами 8-го августа, при вступлении их на русскую территорию на крайнем Севере и Дальнем Востоке.

С такими же речами выступали представители английского генерального штаба на заседании Закаспийского Временного Исполнительного Комитета.

По ходу событий в 1918 году было видно, что угрозы, по отношению к Англии со стороны Германии, на Востоке быть не могло. Действительным стимулом устремления империалистических сил в Закаспий и Закавказье была боязнь со стороны Англии подрыва ее могущества укреплением власти Советов на территории, граничащей с Персией, Афганистаном и близкой к ней Индией. Кроме того, для английских империалистов представляли лакомый кусок бакинская нефть и закаспийский хлопок.

Германо-турецкая угроза являлась лишь ширмой, под которой скрывались истинные намерения проводников английской захватнической политики на Востоке. По неофициальным источникам (воспоминания подпольщиков), англичане имели в Ашхабаде еще при Советской власти своих клеветников в лице эсеров Дохова и Доррера, державших живую связь с английской миссией в Мешехе.

Незадолго до восстания, чрезвычайным комиссаром Фроловым, прибывшим из Ташкента, было предложено члену Ревтрибунала Орпелю арестовать Дохова, Доррера и ряд других лиц, подозреваемых в контрреволюции. Фролов доверял Орпелю, как рабочему.

Орпель *) предупредил Дохова и Доррера о готовящемся аресте и дал им возможность во время скрыться.

Вскоре после переворота (23 июля) на заседании временного исполнительного комитета был поставлен доклад о текущем политическом моменте, в связи с подходом английского отряда к границе Закаспийской области. По докладу была вынесена следующая резолюция:

„Принимая во внимание международное положение, признать необходимым поддержку со стороны англичан в борьбе с германо-большевиками, для чего поручить комиссару иностранных дел немедленно вступить в переговоры с представителями английских отрядов, находящихся на границе, об условиях, на которых может быть оказана та или иная помощь.“

*) Орпель впоследствии был членом белогвардейской следственной комиссии. Как активный участник многих репрессивных актов против коммунистов, в 1920 году он расстрелян по постановлению Особотдела Туркфронта. (Ред.)

Одновременно объявить от имени исполнительного комитета, как верховной власти области, что какие бы то ни было сношения с представителями английских отрядов от имени исполнительного комитета допустимы исключительно только через комиссара по иностранным делам, о чем также довести до сведения англичан и главнокомандующего Ораз Сардара. Комиссару по иностранным делам вести переговоры с англичанами совместно с представителями военной власти. О ходе переговоров докладывать исполнительному комитету“.

Вторая часть резолюции указывает на то, что неофициальные связи закончились и в области установилась новая государственная власть, которой уже приличествует перейти к дипломатическим сношениям.

2-го августа, для встречи английских представителей, выделяются делегаты: Фунтиков (председатель ВИК'а), Дмитриевский (комиссар финансов), Чары Гельдыев (помощник главнокомандующего фронтом), военный комиссар и начальник штаба.

На другой день в Ашхабад прибыла английская делегация, в числе которой находились представители генерального штаба. Они оказались на границе не случайно и прибыли из Мешеда вместе с Доховым, подготовлявшим эту встречу заранее.

В этот же день состоялось заседание ВИК'а, где было вынесено следующее постановление:

„В отношении принятия технической и финансовой помощи от англичан для борьбы с нарушителями идей народовластия и их приспешниками и с целью восстановления идей народовластия во всей ее чистоте, от имени всего населения области, считать, что принципиально такая помощь необходима.“

Вмешательство иностранных государств во внутренние дела и политическую жизнь освобождаемой части края—недопустимо. Вместе с тем, с нашей стороны должно быть оказано содействие англичанам в их борьбе с Германией и, в частности, в деле изъятия агентов Германии, ведущих подпольную агитацию в крае. Для уточнения деталей соглашения должна быть создана особая комиссия из представителей обеих сторон“.

Имея наглость выступать от имени всего населения области, Исполнительный Комитет очень неудачно замазывает сущность и цели прихода англичан. Их поддержку белогвардейское правительство компенсирует своею помощью „по изъятию большевиков“.

Слишком наивно и неубедительно звучит резолюция беспомощного, неимеющего за собой реальной силы, кукольного правительства.

19 августа, в Мешед, генералом Маллесоном, с одной стороны и уполномоченным исполнительного комитета Доховым—с другой был подписан формальный договор, сущность которого сводилась к тому, что англичане брались оказывать ашхабадскому правительству финансовую и военно-техническую помощь в борьбе последнего с большевиками. Это соглашение ставило белогвардейское правительство в зависимость от британского командования и, как мы увидим дальше, вело сначала к советам относительно управления областью и, в дальнейшем, к неизбежному вмешательству англичан во внутренние дела.

Военную помощь англичане оказывали лишь первое время. Укрепить влияние, путем введения в состав правительства своих агентов,

установить свою диктатуру, дабы стать хозяином области,— вот основные задачи, которые быстро стали осуществлять в Закаспии представители лондонского правительства—генерал Малессон и капитан Тиг Джонсон.

Первоначальная реальная помощь фронту со стороны англичан выражалась в посылке нескольких отрядов сипаев и артиллерии. 19-го августа был отправлен на фронт отряд шотландцев во главе с капитаном Джорджем Ленкерт. Ашхабадская газета того времени „Голос Средней Азии“ (от 31 августа) описывает приезд шотландцев, захлебываясь от восторга:

— Третьего дня мы встречали и провожали новую помощь союзников англичан. За этим отрядом следует другой с артиллерией, а затем, если понадобится и третий, четвертый, до бесконечности, так как англичане, вступая в борьбу, должны ее закончить победоносно и иного быть не может.

Стоя на перроне, разглядывая, и беседуя с англичанами, невольно поддаешься чувству беспредельного восхищения и живейшей радости. Юные, осмысленные, веселые физиономии. Стройные, крепкие, чистые со светлыми ясными глазами и великолепными белыми зубами. Энергичные, возгласы и радостный шуточный тон. Прекрасные, полные достоинства манеры джентльменов. Товарищеские, дружеские отношения между старшими и младшими. Все это очаровывает и трогает до слез.

Великая Англия, счастлива ты, что имеешь такой народ, таких бойцов. Только глядя на них, постигаешь оптимизм вождей английского народа, уверенных в победоносном окончании великой войны...

Великий народ! Откуда черпается твоя изумительная энергия, твое постоянство, мужество?

А рядом мы, самый молодой из народов Европы, уже целиком изжившие себя,—все в прошлом. Ни энергии, ни постоянства, ни воли, ни верности, ничего из былых качеств, поражающих некогда мир. Легко поддающиеся чрезмерной радости и панике, готовые молиться на всех проходивших и вечно не доверяющие своим вождям и друг другу—мы стоим сейчас среди народов мира, как поживший вдоволь молодой развращенный старик...

Большое наше счастье, что мы боремся рядом с англичанами.

Мы готовы даже благословлять злую годину, единственную виновницу того, что англичане теперь гости нашего далекого Закаспия...

И так, да здравствуют наши союзники и друзья, жизнерадостные и храбрые англичане!—

Комментарии к этой статье излишни. Превозношение „Союзников“ до небес, рабское пресмыкание, самоунижение до лакейства, готовность лизать англичанам пятки, — общий удел, выпавший на долю лакеев капитализма, эсеров и меньшевиков. Иной роли и история отвести им не могла.

Восхвалением своих союзников, спасителей от „германо большевиков“, пестрит каждый номер эсерово-меньшевистской газеты.

...Мы сейчас смотрим на англичан, как на какое то заморское чудо, которое для нас самим Господом Богом заказано“ пишет про англичан орган белогвардейского правительства „Голос Средней Азии“*)

*) Перед глазами населения английские войска двигались эшелонами на фронт, отряд за отрядом. Создавалось впечатление, что англичане бросают против большевиков значительные силы. Престиж англичан рос. Создавалась уверенность в победе.

В действительности-же, по сообщениям подпольщиков, движение эшелонов английских войск в сторону фронта было ничем иным, как одурачиванием населения. Английские части на фронте менялись часто, чуть-ли не каждую неделю. Уходящий в тыл на отдых отряд, не доезжая Ашхабада, выгружался в Артыке и походным порядком следовал на Мешед. Из Мешеда на Энзели и дальше—пароходом до Красноводска. Из Красноводска отряд следовал вторично через Ашхабад на фронт. Таким круговым движением англичане маскировали свои незначительные силы. (Ред.).

„Союзники“ рекламируются, как истинные друзья рабочего класса, но вместо ожидаемого энтузиазма со стороны населения наблюдается растущее недовольство. Агитация не помогает. Объявленная мобилизация проваливается: идти на фронт рабочие отказываются.

В статье — „К моменту“ („Голос Средней Азии“ № 06) читаем:

...„Для нас должно быть ясно, что сейчас идет уже не гражданская война, а война с Германией, в лице пленных немцев и русских агентов. Германско-большевистской армии нужно противопоставить такую же армию, а не вагоны мобилизованных, стремящихся только удрать с фронта. Средств на создание такой армии у нас нет, ибо нет ни дисциплины, ни патриотизма, ни сознания долга. Остается, как будто, одна надежда на английские войска. Но англичане здесь по нашей просьбе, и, если они увидят, что здесь им не очень хорошо, они стройными рядами, со своими пушками и пулеметами уйдут, а останемся мы и наши семьи, которые в тот же час будут растерзаны на куски под злобный смех мадьяр и большевиков.. Граждане Закаспийской области должны знать, что они и их имущество обречены на гибель: германско-большевики выполняют свои обещания, а поэтому, уцеля создавшееся положение, граждане пойдут в добровольческие отряды, организуемые англичанами, для защиты своей же жизни. Пойдут в отряды, скованные дисциплиной, и сметут с лица земли проклятого врага, залившего кровью нашу дорогую родину“.

II.

Расстрел 26-ти

Цивилизованные, кичащиеся своею гуманностью англичане короткий период своего пребывания в области ознакомили целым рядом бесчеловечных, кровавых расправ с ненавистным им рабочим классом.

Представители лондонского правительства приступили к искоренению „большевистской заразы“ руками предателей рабочего класса эсеров и меньшевиков, с первых же дней своего пребывания в Закаспии.

Неискупимое перед рабочим классом и революцией преступление, — расстрел 26-ти бакинских комиссаров, совершено представителями Закаспийской и Бакинской организаций эсеров, меньшевиков и дашнаков, взявших на себя роль палачей рабочего класса. Этот

позорнейший, провокационный акт был приведен в исполнение заправилами Закаспийского белогвардейского правительства под диктовку своих руководителей, — представителей английского империализма.

Вадим Чайкин, видный эсер, член Комуча, в своей брошюре — „Казнь 26-ти бакинских комиссаров“ тщетно старается обелить закаспийских эсеров и свалить всю вину на англичан и их агентов Дружкина и Куна.

Судебные процессы по делу 26-ти, один в Красноводске в 1924 году, другой в 1926 году в г. Баку, достаточно ярко выявили главных виновников и инициаторов этого злодеяния. Большинство из них

уже получило должное возмездие. По приговору пролетарского суда расстреляны: Яковлев, Герман, Домашнев, Васильев, Павлоцкий, Семенов, Баклеев, Сарыев, Юсупов, Павлов, Пулякин, Шорин, Иванов Игнатий и Фунтиков. Кроме того до суда расстреляны: Давыденко, Ульянов, Курьев, Пиотрович и Гаудиц.

С падением Советской власти, в Баку дашнаками и эсерами были арестованы тт. Шаумян, Джапаридзе и другие. Несмотря на все препятствия, которые ставились рабочим дашнаками и эсерами, в новый эсерово-меньшевистский совет прошло все-же несколько большевиков, в числе которых оказались Шаумян, Джапаридзе, Фиолетов и Азизбеков, находившиеся в то время в тюрьме. Настойчивые требования бакинских рабочих об освобождении своих вождей, членов совета, не привели ни к чему. Вся сила была на стороне дашнаков, которые вопрос об освобождении отклонили, заявив, что „большевики являются преступниками, а преступники должны сидеть в тюрьме.“

При эвакуации Баку (турками), арестованные комиссары были погружены на пароход „Туркмен“, который являлся одним из последних пароходов отходивших в Астрахань. Однако, как впоследствии выяснилось, пароход не мог держать курса на Астрахань, где была Советская власть, т. к. на последнем находились два английских офицера. По соглашению бакинских белогвардейцев с Закаспийским правительством, пароход с арестованными комиссарами и беженцами был отправлен в Красноводск.

К Красноводску подошли в ночь на 17-е сентября. Сейчас же по прибытии парохода в порт, английские офицеры сошли на берег, а пароход был утром отправлен на Уфру. Здесь отряд, сопровождавший арестованных, был обезоружен. Всех арестованных, в числе 35-ти человек, вывели в город, разбили на две группы и посадили в арестный дом и тюрьму.

Захват бакинских комиссаров в Красноводске был соответствующим образом отмечен в белогвардейской прессе.

20-го сентября в белогвардейской газете „Голос Средней Азии“ (№ 102) появилось следующее сообщение:

— Судьба нам снова улыбнулась. К нам в руки попали бывшие вершители судеб Баку, приведшие город к страшной разрухе, как к моральной, так и к материальной, и способствовавшие захвату его турками.

Среди нашей добычи находится один из самых знаменитых героев, — Шаумян, которого давно окрестили кавказским Лениным, и Петров — кандидат Вацетис (?) (Ред.).

... Что же с ними теперь сделать?

... Нужно сейчас же обратиться к нашим друзьям англичанам в Мешед с просьбой передать через их сильнейшую радио-станцию извещение в Москву о том, что в наших руках весь цвет их кавказских лихо-деятелей, что отныне за каждого казненного человека будет отвечать голова Шаумяна, Петрова, Джапаридзе, Карганова, Шеболдаева и других, что мы не остановимся даже перед причинением ужасных мук до голодной смерти и четвертования включительно“.

В Красноводск, в специальном поезде, прибыли ашхабадские и кизил-арватские палачи: Фунтиков, Курылев, Егоров, Анисимов, Гундарев, Илларион Седых, Александр Седов, Дружкин (правая рука англичан), комендант гор. Ашхабада Худоложкин, Филатов, Баклеев и Пиотрович.

По показаниям Фунтикова на суде, в расстреле принимали также участие члены ВКЧК Гладырев, Белоконов, Петров и Ата-Мурад. При поезде имелась специально подобранная бригада и свой машинист Щеголютин.

После приезда всех этих лиц в Красноводск, состоялось тайное совещание совместно с наиболее надежными членами красноводского Стачкома. На совещании между палачами были распределены роли, выбрано место казни, а также был выработан порядок отправки коммунистов из арестного дома на вокзал.

В ночь на 20-ое сентября, палачи, одетые в туркменские одежды, явились за арестованными.

Многие из палачей были пьяны. На платформе, при погрузке в поезд, арестованных били прикладами. Тов. Шаумяну выбили зубы.

По показаниям членов стачкома, ночью в арестный дом явились Кун, начальник милиции Алания и несколько человек в туркменских халатах и папахах, среди которых были опознаны Худоложкин и Курылев. Из арестного дома было взято 6 человек, из тюрьмы 20. Кун объявил, что их берут для отправки в Ашхабад. На вопросы некоторых членов стачкома Кун дал объяснение, что за судьбу арестованных им опасаться нечего. Что бы не случилось, красноводский комитет отвечать не будет, так как все делается по распоряжению областной власти. В подтверждение своих слов он показал телеграмму за подписью комиссара юстиции Доррера, в которой предлагалось выдать арестованных коммунистов с парохода „Туркмен“ особоуполномоченным лицам. В заключение Кун добавил, что в это дело вмешиваться не следует, иначе можно нажить много неприятностей, как от областной власти, так и от английского командования.

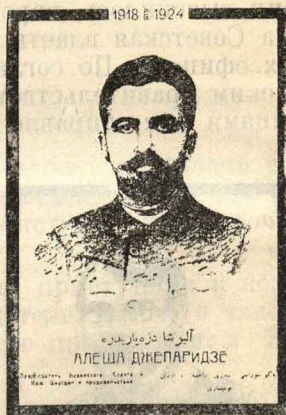
Перед отправлением поезда палачи пополнили свои запасы спирта и вина и всю ночь пьянствовали.

С „этим поездом“, кроме перечисленных ашхабадцев и кизил-арватцев, из Красноводска выехали члены президиума стачкома: Кун, Герман, Домашев Василий, Кондаков, начальник охраны Ульянов, Алания, его помощник Левандовский, офицеры контрразведки — Рыбалкин и Давыденко, Бек-Назар Сарыев и начальник туземной дружины Юсуп Юсупов.

Поезд, в составе 3-х вагонов, отправился без сигналов и звонков. Поездной прислуги не было. Машинист был свой.

Поезд шел со скоростью 50 километров в час и утром 20 сентября остановился на перегоне Ахча-Куйма — Перевал.

Арестованных выводили из вагонов группами...

По заключению врачебной экспертизы, расстрел сопровождался избиением коммунистов. У большинства были отрублены головы. Один был зарыт живым, при чем на грудь ему положили полуторопудовый камень. Всего было убито 26 коммунаров: Степан Шаумян, — член ЦК РКП, — председатель Бакинского Совнаркома и комиссар иностранных дел; Алеша Джапаридзе, — председатель Бакинского Совдепа, комиссар внутренних дел и продовольствия, член кавказского краевого комитета РКП; Григорий Карганов, — председатель Реввоенсовета кавказской РККА, военный комиссар Бакинского Совнаркома и главнокомандующий Кавказской Красной армией; Петров, — представитель центра в Баку, командир московского отряда (левый эсер); Арсен Амирян, — редактор газеты „Бакинский рабочий“, органа бакинского комитета большевиков; Татевос Амирян, — командир советского кавалерийского отряда; Ваня Фиолетов, председатель бакинского совнархоза, член краевого комитета РКП; Павел Зевин, — комиссар Труда; Визиров, — комиссар земледелия (левый эсер); Б. Авакян, — комендант гор. Баку; Костанлан, — тов. комиссара продовольствия; Мешади Азизбеков, губернский комиссар; Сурен Осипянц, — редактор газеты „Известия Бакинского Совета“; Иван Малыгин, — член Реввоенсовета; Габишев, — комиссар бригады; и коммунисты: А. Богданов, С. Богданов, М. Богданов, Басин, Солнцев, Арменак Борян, Николашвили, Метакса, Павлухин (матрос), Берг (матрос) и ишние.

М

В своей брошюре Вадим Чайкин пишет, что после того, как в Ашхабаде стало известно об увозе из Красноводска бакинских комиссаров, министр иностранных дел Закаспийского правительства Л. А. Зимин обратился с вопросом об участии комиссаров к представителю Великобританской военной миссии в Ашхабаде, капитану Реджинальду Тиги-Джонсону. Тиг-Джонсон разъяснил Зимину, что бакинские комиссары расстреляны и что Великобританская миссия считает это действие правильным. О факте убийства комиссаров сообщил Зимину также пред-

седатель Закаспийского Розыскного Бюро Семен Дружкин. Он сообщил Зимину также и о том, что представитель английской миссии Тиг-Джонсон обязался выдать ему, — Дружкину, официальное удостоверение великобританских властей Мешада и Индии об „естественной смерти“ всех убитых комиссаров, якобы, от болезней, при чем добавил, что в данном случае может быть получено какое угодно медицинское свидетельство.

Расправа с бакинскими комиссарами скрывалась от рабочих. Был пущен слух, что они увезены в Индию.

В тифлисской эсеровской газете „Народное Знамя“ от 16 марта 1919 г. (№ 44) напечатано:

„К расстрелу 26-ти комиссаров“

Редакцией „Народного Знамени“ получены совершенно достоверные сведения о том, что в Индию, по ордеру Великобританского военного командования, увезены фактически, кроме отравленных туда фик-

тивных 26-ти убитых комиссаров, 65 человек. Все эти лица, в числе которых было несколько деятелей Советской власти, отправлены из Красноводска в Индию, причем через Мамедабад отправлено 6 человек в начале сентября прошлого года и через Мешед 59 человек в конце сентября.

Судьба этих лиц ни в Туркестане, ни в Закавказье никому в точности неизвестна*.

III

Хозяева и слуги.

Англичане, изгнанные из Баку турками, захватили Красноводский порт, сделав его своей морской базой. Оккупация порта произошла без ведома областной власти. Вопрос об оккупации Красноводска англичанами был поставлен на обсуждение на заседании Совета Управляющих 7-го ноября. С совершившимся фактом Закаспийскому правительству пришлось согласиться. По этому поводу было вынесено следующее постановление:

„Ввиду того, что весь инцидент произошел по вине Красноводского стачкома, который вошел в сношение с представителями Великобританского правительства непосредственно, без ведома областной власти, объявить Красноводскому стачкому порицание, предложив ему впредь по всем вопросам, имеющим государственное значение, сноситься через областную власть. Для всестороннего же освещения вопроса вызвать в Ашхабад председателя Красноводского стачкома. Просить так-же представителей Великобританского Правительства по всем вопросам государственного значения сноситься только с областной властью“.

И задним числом, когда англичане уже хозяйничали в Красноводске, управляющий иностранными делами Зимин на заседании совета управляющих (4 ноября) докладывал о желании англичан взять под контроль Красноводский порт.

По данному вопросу Зимину было поручено вести переговоры с генералом Маллесоном, приезд которого ожидался со дня на день.

Белогвардейское правительство проектировало призвести передачу Красноводска англичанам на следующих условиях: а) оказание субсидии Закаспийскому правительству (согласно сметы 118 милл. рублей по 1-е января 1919 года), б) оказание вооруженной помощи Закаспийскому правительству в борьбе с большевиками и в) допущение пропуска через Красноводский порт русских войск, необходимых Закаспийскому правительству для успешного окончания борьбы с большевиками в Туркестане.

Условия эти англичане даже не сочли нужным поставить на обсуждение*).

*) Кратковременное пребывание турок в Баку побудило англичан закрепить свое господство на Каспийском море. Представитель Великобританского Правительства Денстервиль принимал меры к установлению контроля над военными и торговыми судами. От него исходила радиотелеграмма канонеркам „Карс“ и „Ардаган“, в которой белогвардейские правительства призывались к единению: — „Англичане держат Красноводск и Энзели, предлагают диктатуре Центрокаспия и русским военным судам присоединиться к ним, чтобы совместно решить план будущих действий. Англичане берут на себя оплату и содержание флота в течении всего времени совместных действий, против общего врага. Отвечайте срочно. Денстервиль“, („Голос Средней Азии“ за 1918 год, № 109).

В конце октября побежденная Турция сложила оружие. Англичане из Средиземного моря продвинули свои военные суда в Черное море и заняли Ватум и Баку.

В октябре закаспийские белогвардейцы создали Временное Союзное Кавказско-Каспийское Правительство. От управляющего иностранными делами Л. Зимина исходит следующая телеграмма:

МЕШЕД, генералу Маллессону.

„В целях объединения всех сил, борющихся с германо-большевиками правительства областей Терской, Закаспийской и всех частей Бакинской губернии, не занятых турками, решили объединиться и на съезде представителей правительства, закончившемся в октябре, выбрали Временное Союзное Кавказско-Каспийское Правительство в составе: управляющего военными делами—Бичерахова, финансовыми—Орлова, юстиции—Наджарова, хозяйством и продовольствием—Мирхелева и иностранными делами—Зимина. Союзное Правительство, взяв в свои руки власть, просит вас довести до сведения Великобританского Правительства об образовании указанного правительства и о том, что оно будет стоять на той-же платформе, на которой стояли отдельные правительства, его образовавшие. Главные цели остаются те же: совместная, с нашими доблестными союзниками, борьба против германо-большевиков и создание великой России при посредстве Всероссийского Учредительного Собрания, на принципах, провозглашенных в воззвании Великобританского Правительства, при вступлении союзных войск на русскую территорию“.

С самого начала своего образования Закаспийское Правительство переживало финансовый кризис. Случайно захваченных 71 милл. руб., высланных Москвой для Туркестана, хватило ненадолго. Вскоре недостаток средств поставил перед белыми угрозу срыва фронта. Англичане не особенно спешили на помощь. Народному Банку, казначейству и сберегательным кассам было предложено приостановить выдачи по всем операциям. Управляющий делами финансов приступил к реализации имеющихся в запасе 135 тысяч рублей в серебряной монете.

Ожидая освобождения Баку из-под власти турок и рассчитывая на снабжение края керосином, ашхабадские заправщики решили распродать имевшиеся в области запасы керосина, надеясь ослабить таким путем остроту финансового кризиса.

Но это не спасло положения. Отчаявшееся правительство решило обратиться к своему союзнику—Кавказско-Каспийскому Сейму по радио:

„Финансовое положение наше отчаянное. Единственным выходом из него является снабжение нас Союзным Правительством денежными средствами на сумму 20 милл. рублей, испрашиваемых у вас нашим управляющим финансами, а так-же возврат нам долга в сумме 6 милл. рублей.“

Если через 5 суток, со дня подачи нами телеграммы, мы не получим от вас денежного подкрепления, дело наше погибло.

Все подлежащие к получению суммы надлежит выдать для доставления в Ашхабад представителю закаспийского правительства г-р. Подлузскому.

Если последний к вам еще не прибыл, присылайте подкрепление с вашими людьми. Обещанная англичанами субсидия придет слишком поздно,—после нашей гибели. Ждем спасения“.

Кавказско-Каспийское Правительство в то время само сидело без денег. В итоге члены ашхабадского ВИК'а вынуждены были молить о помощи представителей английского командования.

В постановлении Совета Управляющих от 18-го ноября указывается:

...„Вместе с тем потребовать от представителя правительства Великобритании генерала Малессона положительного ответа о сумме и форме субсидии, не ожидая ответа от индийского правительства, затем обратиться к населению с воззванием, в котором указать, что необходимость спасения, гибнущего от недостатка денежных средств, дела, спасения Ашхабада и Кизил-Арвата от разрушения, которое грозит им после победы большевиков, а следовательно всего достояния самих граждан и, наконец, личная небезопасность их, должны привести их к сознанию необходимости притти на помощь, изнемогающему в тяжелой борьбе, правительству денежными средствами, своевременный возврат которых гарантируется английским правительством“.

Население, на которое возлагало большие надежды правительство, к воззванию осталось глухо. Никто не дал ни копейки.

Поставленный в безвыходное положение, Совет Управляющих в ультимативной форме обратился к английской миссии в Ашхабаде, заявив, что Закаспийское правительство за отсутствием средств находится на краю гибели и, если в течении пяти суток Великобританским Правительством не будет оказано денежной помощи, правительство слагает с себя все полномочия, а всю ответственность за последствия этого акта возлагает на правительство Великобритании.

У англичан в наличии денег не оказалось и они выдали Закаспийскому правительству временные обязательства (тратты). Управляющий финансами области объявил населению о приеме вкладов под выдачу тратт. 28-го ноября на этот счет был издан следующий циркуляр:

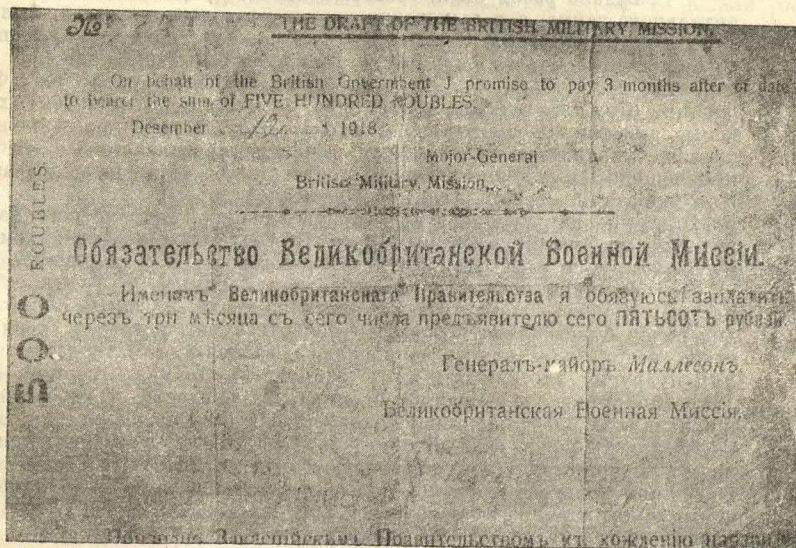
— „Предлагаю казначействам Закаспийской области помимо установленной покупки облигаций Займа Свободы 20, 40, 50, 100, 500 и 1000-рублевого достоинства по покупной стоимости (85 руб. за 100 номинальных—% по купонам на срок до 16 марта 1918 года—недостающие купоны) принимать в обмен на тратты Великобританского Правительства. В приеме облигаций по указанной стоимости выдавать временные квитанции, взамен коих выдавать обязательства по получении таковых, а обязательства через три месяца со дня внесения облигаций будут обмениваться на индийские рупии или рубли, по количеству рублей, внесенных в казначейство. Обмен временных квитанций на обязательства, а последних на рупии или рубли, будет производиться через посредство и по указанию ашхабадского отделения Народного банка.“

Кроме того, прием тех же облигаций для обмена на тратты возложен на почтово-телеграфное отделение области порядком, указанным настоящим циркуляром, каковые учреждения поступающие к ним облигации будут высылаться в казначейства или банки, коим они приписаны по операциям сберегательных касс. О количестве и сумме временных квитанций, выданных казначействами и почтово-телеграфными учреждениями казначейства обязываются доставлять сведения ашхабадскому народному банку в сроки, установленные для высылки в банк облигаций“.

11 декабря капитан Тиг-Джонсон пишет управляющему банком:

„Настоящим прошу вас прекратить на время прием вкладов на выдачу тратт. Генерал Малессон идет в Мешед, где ускорит доставку тратт, каковые и будут выдаваться, как только будут получены из Мешеда“.

Одновременно управляющему делами финансов было поручено разъяснить населению технику реализации английских тратт. В связи с этим было объявлено: а) что Закаспийское Правительство, в дополнение к обязательной гарантии Великобританского Правительства, дает обязательство об обмене тратт на русские деньги; б) допускает хождение в пределах Закаспия английских тратт наравне с русскими деньгами; в) допускает установление приема вкладов льготную частью вклада на правах взноса на текущий счет; г) гарантирует вкладчику оплату тратт здесь, в Закаспии русскими кредитными билетами в суммах, внесенных ими, при всяком могущем произойти изменении курса

Разъясняя населению финансовое положение в области, белогвардейское правительство и здесь выдвинуло своих союзников, как бескорыстных друзей, пришедших на помощь в тяжелую минуту.

„Голос Средней Азии“ от 23 ноября 1918 года в передовице отмечает:

„Соглашение наше с Англией, заключенное нами через посредство Великобританской военной миссии в Мешеде, обеспечивало нам военную и финансовую поддержку английского правительства. Военная помощь англо-индийских войск, как известно, не замедлила явиться, и следует признать — только она спасла нас от неминуемого разгрома силами нашего ташкентского противника. Без англичан нас, асхабадцев, ждали бы такие печальные сюрпризы, от которых померкла бы слава ярославских пожаров и расстрелов. Мы, ведь, знаем, что Асхабаду Колесов особенно „симпатизировал“. Англичане же помогли нам

не только выдержать натиск превосходящих нас по силе врагов, когда расправа с Асхабадом для них была-бы вопросом нескольких дней, но и теперь, с помощью наших союзников, мы в состоянии гнать из пределов нашей Области деморализованных, после поражений своих отрядов, ташкентских, казанских, жлобинских и других большевиков. В наших стенах за наше дело пролилось достаточно много англо-индийской крови. Сейчас наше военное положение не внушает ни малейших опасений,—мы находимся по дороге в Чарджуй, границе нашего Закаспия. Со стороны же Красноводска нам никто не угрожает. В Баку уже нет ни большевиков, ни турок. На море царствует дружественный нам и англичанам флот. Угрозы со стороны Астрахани не существует, наоборот, астраханские большевики с опасением смотрят на нас и наших союзников.

Все шло бы у нас отлично, если бы не одна загвоздка.. финансовое затруднение. До сих пор нам никакой денежной поддержки извне прибегать не приходилось, так как судьба, с самого начала нашего выступления, нам благоприятствовала. Нежданно, негаданно к нам попало 70 с лишним миллионов, предназначавшихся для наших врагов. Эти 70 милл. свежих николаевских и керенских кредиток, освободили нас от временных забот по прискакиванию средств для нашего общего дела освобождения родного нам Закаспия из рук фроловщины, колесовщины и прочее.

Граждане разом были освобождены от предполагавшегося принудительного займа, а в отношении государственных налогов были сделаны все послабления. Закаспий в расходах по войне и управлению совершенно не участвовал. Между тем денежный фонд нашего правительства непрерывно таял благодаря колоссальным расходам. Формирование отрядов—русских и текинцев, содержание семей убитых и раненых, убытки по продовольственному делу и по промышленности, сложное управление Закаспийской области,—бесчисленные ведомства, просвещение, городские расходы, достигшие больших цифр, управление и эксплуатация Средне-Азиатской железной дороги, и другие статьи расхода, увеличивающиеся по мере увеличения подвластной нам территории, требовали громадных сумм. При скромном и экономном расходовании, если иметь ввиду общую дороговизну и обесценение денег, за три с лишним месяца присланные нам Лениным миллионы съедены целиком. Сейчас мы на краю финансового краха. В самые ближайшие дни нечем будет платить бойцам, неважно будет покупать продовольствие, нечем будет платить чиновникам, рабочим, за материалы, учителям и другим, кто так или иначе зависит от государственной казны. Такое положение невыносимо, и оно может привести к гибели все наши дела, так блестяще теперь завершающиеся. Снова, как и раньше, населению Области, вздохнувшему за 4 месяца от ужасов большевизма и уже привыкшему к законности и обеспеченному существованию в свободном демократическом режиме, предстоит печальное будущее при неминуемом параличе нашей новой государственной жизни, что может вызвать новое и еще худшее закабаление нашей Области.

Считаясь с грозным финансовым положением, наше правительство обратилось к спасшей нас Англии, на этот раз за денежной помощью. Полномочный представитель Правительства Великобритании и Индии генерал-майор Малессон эту помощь нам дает. Финансовая поддержка наших союзников не является займом, который мы обязаны будем возвратить через некоторое время, ни скрытой формой займа, требующей гарантии данной суммы естественными богатствами, железной дорогой, или какими другими ценностями, имеющимися у должника.

Это субсидия, т. е. безвозвратная денежная помощь. Отдавать ее совершенно не придется. Такая форма помощи от нашей союзницы Англии доказывает, что она совершенно чужда корыстных интересов и что главная цель наших друзей восстановить наше былое положение и снова ввести нас в содружество великих наций...

К сожалению, в распоряжении представителей нашего великого союзника не оказалось по близости ни русских денежных знаков, ни свободной иностранной валюты, в нужном для нашего правительства количестве. Но ввиду того, что потребность в деньгах срочная, наше временное Закаспийское правительство, и Полномочный Представитель Великобритании пришли к тому совместному решению, о котором нам говорят: торжественное заявление начальника английских войск в Пер

сии и Туркестане генерал-майора Малессона, напечатанное в нашей газете, и воззвание нашего совета управляющих...”

В заключение статья смакует те „выгоды“, которые получают граждане путем приобретения тратт и т. д. и т. д.

1-го декабря генералом Малесеном было выпущено воззвание следующего содержания:

„Граждане Закаспия!

Близка та победа, за которую вы боролись и страдали в продолжении долгих месяцев. Близок мир для всего русского Туркестана. Форма правления будет определена свободным голосованием самого народа.

Но, чтобы достичь этих целей, вы должны поддержать ваше правительство и солдат на фронте, которые борются за вас. В настоящий момент ваше правительство нуждается в деньгах, чтобы иметь возможность провести его и вашу программу до конца. Нужна ваша финансовая помощь. Правительство рассчитывает, что вы обеспечите жалование рабочим и солдат.

Я прошу вас всех принести эту финансовую помощь вашему правительству. Я, как представитель Великобританского Правительства, намереваюсь помочь вашему правительству и вам в вашей борьбе за свободу и мир выпуском обязательств по—500 рублей с моею подписью, или подписью моих заместителей. Через три месяца я обязуюсь от имени моего правительства, на основании имеющихся у меня полномочий, реализовать эти обязательства рублевыми денежными знаками в Асхабаде. Между тем, вследствие распоряжения Закаспийского Правительства, эти обязательства будут иметь хождение наравне с денежными рублевыми знаками.

Я прошу вас в ваших интересах и интересах вашей родины свободно принимать и распространять эти обязательства.

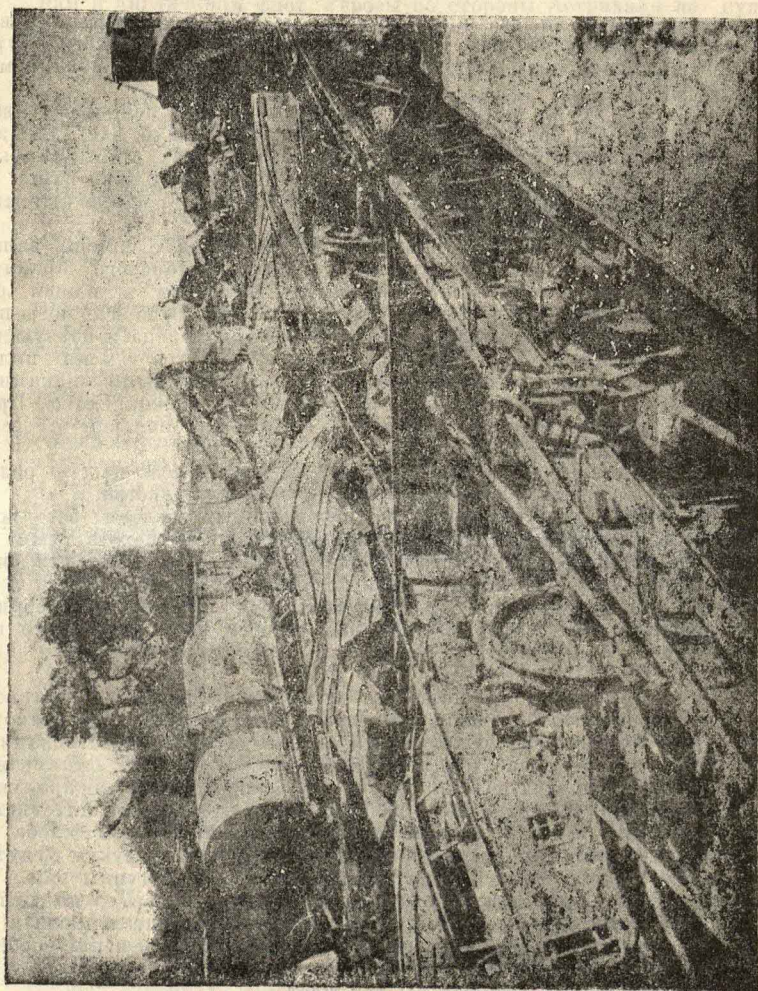
Мы, ваши союзники, великобританцы, сделаем все возможное, чтобы помочь вам. Подкрепление,—кавалерия и пехота уже отправились из Мешеда и я отдал распоряжение о доставлении некоторой суммы сюда, в Асхабад. Деньги уже идут по дороге сюда и я надеюсь, что в скором времени будут посланы еще. Кредит Великобританского правительства самый обеспеченный во всем мире. Его тратты представляют солидный плюс на мировом рынке, как само золото“.

Помощь ваших союзников англичан выражается не только в военной и финансовой помощи. Вы справедливо жалуетесь на высокие цены продуктов первой необходимости, которые делают существование вашего бедного класса населения невозможным. В Персии достаточно много излишних продуктов, но до сих пор вывоз пищевых продуктов был воспрещен. Я с радостью сообщаю вам, что эти препятствия теперь устранены и что в скором времени большие запасы хлеба и скота будут отправлены на ваш рынок. Цены на эти продукты будут определены управляющим продовольствием и будут доступны вам.

Граждане Закаспия, много поставлено на карту, но цель ваших стремлений близка. Еще немного бодрости и решительности и вы получите все, за что боролись и страдали. Твердое решение победить на фронте и верная поддержка правительства здесь принесут вам мир и благосостояние, которых вы так ждете.

Но теперь, в последний час, не отказывайте правительству в столь ему необходимой вашей поддержке. Если вы не дадите того, что они просят, вы будете подавлены удушливыми газами большевизма, с которыми боретесь и будет бороться весь цивилизованный и демократический мир“.

Кроме тратт в начале февраля англичане пускают в обращение в Закаспии индийские рупии. Генерал Малесен в начале марта 1919 года сдал в ашхабадское отделение народного банка 500 тысяч рупий, взамен которых получил по соглашению с министром финансов Уманским 12 мил. рублей асхабадскими бонами. Рупии были пущены в обращение также и в Закавказье.

Ст. ДУШАК, разгромленная англичанами и белогвардейцами.

Начальник штаба Петровского Укрепленного Района 21 февраля дает распоряжение управляющему петровским отделением госбанка сообщить сведения о привезенных из Закаспия рупиях и взять их на особый учет.

Закабалив область в финансовом отношении, англичане сделали ее полновластными хозяевами и с лихвой возмещали свои расходы. По их требованию был разрешен вывоз керосина в Персию. Закупочные операции для области в Персии стали производиться только через английскую миссию. Право самостоятельных закупок у кооперативов, продовольственных и иных организаций было отнято под благовидным предлогом, — не создавать нежелательных трений с Персидским правительством.

Таким образом, внешняя торговля целиком перешла в руки англичан.

Беспардонное хозяйничанье англичан в области, вместо обещанных „свобод“ — аресты, избиения и расстрелы заподозренных в сочувствии к большевизму, все это не могло внести успокоения среди рабочих. Обманутые вначале, они поняли к чему ведут их лже-социалисты.

Фронт с каждым днем разлагался. Дезертирство принимало громадные размеры. Недовольство росло, как на фронте, так и в тылу.

Вскоре стали появляться прокламации, распространяемые подпольной организацией большевиков. Эти прокламации писались от руки, через копирку, и разбрасывались среди рабочих на железной дороге и на фронте среди солдат. Один из рабочих, большевик, тов. Успенский, старик 64 лет, был захвачен контр-разведкой во время расклейки прокламаций. Он был зверски избит, закован в кандалы и вскоре расстрелян.

Ниже привожу одну из прокламаций, имевшую большое распространение:

ПОРА ОПОМНИТЬСЯ.

Братья рабочие и солдаты, настает решительный час. От вас самих зависит ваше благополучие. Правительство асхабадских самодержавцев накануне полного краха. Крупные суммы денег, благодаря бесконтрольному раздаванию и наглому воровству народного достояния асхабадскими временщиками уже кончены. Денег нет ни копейки. Куда же делись 86 миллионов? Перед кем, товарищи рабочие, ответственные асхабадские захватчики — лакеи английского империализма? Считаются ли они с чаяниями народа? Разве им неизвестно, что широкие круги народа давно от них отвернулись и давно жаждут мира. Разве им не слышны вопли и крики оставшихся сирот и матерей, ставших жертвой преступной политики господ Дорреров, Доховых и к-о. Разве ими было опрошено мнение рабочих о приглашении сюда мирового разбойника, и конного врага России англичан. Всякий из вас еще не забыл тех подлостей, которые причиняла Англия России, в частности, и тех зверских расправ, которые Англия учиняет в своих колониях вообще. Так, например, жестокие расправы с бурсами, с ирландцами не желавшими носить ярмо английского империализма, уничтожение сотни тысяч индусов и сипаев, расправа с китайским рабоче-крестьянским движением.

Да разве изданное распоряжение генерала майора Томсона в Бану, которым воспрещаются всякие собрания, стачки и даже беседы, не напоминают ли столь ненавистного революционной демократии, царского гнета? Вас, братья рабочие и солдаты заставляют быть палачами международной пролетарской революции, ибо, подрывая основы Советской власти, этим самым играют на руку мировому жандарму, подавляющему пролетарскую революцию. Да не будет черного пятна на русском рабочем движении.

Помните товарищи рабочие, что вашим могучим оружием в борьбе с насильниками является всеобщая забастовка.

Да здравствует решительная борьба с международными насильниками и их лакеями! Да здравствует союз революционных рабочих всего мира! Да здравствует Советская трудовая власть!

Группа независимых социалистов.

Прокламация эта была составлена коммунистами. Подпись же под маркой независимых социалистов была дана из боязни подвергнуть расстрелу нескольких товарищей большевиков, бывших на учете контр-разведки.

31-го декабря 1918 года в помещении железнодорожного собрания был назначен митинг всех организаций. Этот митинг был созван эсерами с целью агитации за поддержку фронта, после объявления очередной мобилизации населения. К этому собранию усиленно готовилась организация большевиков, члены которой выступали на собрании против эсеров. На собрании высказывались большевики: Сердюков, Зотов, Романович и Кадигроб.

Группа ашхабадских подпольщиков 1918—1919 года.

Стоят, справа налево:—Степанов, Васильев, Царегородцев, Панькин (сын), Куколева, Симонова. Сидят: Мелькумов А., Арутюнов С., Кукаев (пред. орг.) Зотов и Сунгуров.

Ими выдвигались такие предложения: 1) выразить недоверие Ашхабадскому правительству, которое явно ведет борьбу против рабочего класса и пролетарской революции; 2) прекратить братоубийственные войны между рабочими и крестьянами, так как меньшевики и эсеры—лакеи буржуазии и царских генералов сумели опутать рабочий класс и руками рабочих и крестьян убивали их самих же, чтобы восстановить свергнутую пролетарской революцией их власть; 3) с позором выгнать английские войска с их командованием из пределов Туркмении, как мировых разбойников, которые помогали царским генералам душить Советскую власть; 4) открыть Закаспийский фронт и соединиться с нашими товарищами ташкентскими большевиками, которые борются с белыми бандами за освобож-

дение трудящихся и совместно с ними восстановить в Туркмении Советскую власть.

Выступления эти были встречены шумными овациями многолюдного собрания. Раздавались громкие крики: „долгой Асхабадское правительство“, „долгой англичан“, „да здравствует Советская власть“ и т. д.

Члены Асхабадского правительства, руководившие митингом, растерялись. На помощь им явились англичане. Собранию было заявлено, что всякое выступление против Асхабадского правительства будет подавлено в корне силою оружия. Помещение было оцеплено отрядами сипаев. Выступавшим на митинге большевикам при помощи рабочих удалось незаметно скрыться.

На следующий день в рабочих районах начались облавы и обыски.

Усилившаяся деятельность большевиков сильно нервировала белое правительство. Начальник Асхабадского гарнизона Худоложкин по этому поводу в исполнительный комитет сообщает следующее:

„По поступающим ко мне сведениям в городе продолжается усиленная работа уцелевших от расстрела и еще не арестованных большевистских банд. Есть официальное подтверждение от лиц вполне заслуживающих у нас доверия, что отказ союза фронтовиков от выезда на фронт, участвовавшие обрывания телефонных проводов линии Асхабад—Гаудан,—есть их злая работа. За последнее время работа их начинает принимать более организованную форму. Бывают частые заседания этой группы, где намечаются планы работы. Наглая смелость их даже доходит до мысли свержения исполкома. Вдохновителями всего этого являются: Кукаев, Панькин и др. Очагом своей работы они избрали союз фронтовиков и депо. Недавно мне сообщили, что Кукаев (б. комтруд) уже не проживает у себя на квартире и есть сведения, что выехал в Астрахань. Наблюдение за его квартирой первый факт подтвердило, второй—о его выезде, еще не установлен. Имеется также наблюдение за Панькиным (б. тов. председателя Ревкома). Он часто посещает управление дороги для поступления на службу (нужно полагать, и здесь что-то неладное). Влияние свое означенная организация начинает распространять и на места заключения. Как установила следственная комиссия, б. член ревкома Степанов бежал из под стражи лишь при содействии данной организации. Они успели, снабдив его деньгами и документами, направить через Красноводск в Астрахань для связи. О чем уже мною сообщено коменданту г. Красноводска Н. Давиденко. Член ревкома Лыков [рабочий депо] скрывается в Серахсе, меры к розыску приняты, но вся эта работа носит неорганизованный характер. Я имел беседу через переводчика с командным составом английской армии, имеющим достаточный опыт в этой области и получил совет, что необходимо организовать особый секретный орган специально по борьбе с большевиками, ибо они с каждым днем все больше и больше увеличиваются с пунктами в Красноводске и на линии фронта.

Надежный штат уже намечен, который ведет работу по этой части, это старо-кадровое офицерство и некоторые им-назисты, можно использовать также и безнастных.

Все изложенное заставило меня обратиться в исполком с просьбой разрешить организовать означенный орган по борьбе с большевистскими бандами и просить отпустить необходимую сумму денег. Из беседы с комиссаром по иностранным делам Зиминим английское командование обещало пойти нам навстречу“.

На данном сообщении была наложена следующая резолюция:

„...споком, вполне одобряя ваши действия, разрешает организовать означенный орган. Вместе с тем необходимо усилить охрану, как в местах заключения, так и самом исполкоме [нужно полагать, что последние провокационные выстрелы, во время заседания исполкома, есть так-же их работа]. Председатель исполкома **Фунтиков**.“

Англичанам надоело нянчиться с, бессильным в борьбе с большевиками, „демократическим“ эсеровским правительством. Они решили эту власть „ликвидировать“, создать более твердый орган, в который бы входили и их агенты.

После разгона митинга 31-го декабря, сипаями были заняты правительственные учреждения и представители английского командования предложили распустить Исполнительный Комитет и создать директорию из пяти лиц,—2-х туркмен и 3-х русских.

На внеочередном заседании членов ВИК'а 2-го января 1919 г. обсуждалось создавшееся положение.

Неожиданное для ВИК'а решение английского командования заставило Закаспийское Правительство подчиниться и приступить к реорганизации власти. Члены Исполкома вынесли решение о роспуске ВИК'а и организации Комитета Общественного Спасения, дипломатично умалчивая о том, что реконструкция правления решена английским командованием и, о том, что англичане подбирают состав нового правительства по своему усмотрению.

Снятие своих полномочий и передачу власти комитету общественного спасения Исполком объяснил громоздкостью старого аппарата, медленностью разрешения вопросов и недостаточной его твердостью.

Не переставая твердить о своих победах на фронте, эсеры объясняли затяжку войны с ташкентскими большевиками чисто объективными условиями. Часть вины они сваливали на политику Великобританского Правительства, которое не позволила ему до настоящего времени проявить достаточно активного участия в походе на Чарджуй и оказать Закаспийскому Правительству своевременную финансовую помощь.

Главная-же причина неудач на фронте приписывалась рабочим и большевистскому движению, развивавшемуся с тылу. Из-за рабочих была сорвана очередная мобилизация.

Открытые выступления рабочих против белогвардейского правительства и англичан на митингах в Асхабаде, отказ союза фронтовиков выступить на фронт, дезертирство и перебежки солдат к красным, указывали на усиливающееся разложение тыла и фронта.

Опоры на трудящиеся массы у белого правительства не было. Палачи рабочего класса—Фунтиков, Курылеев, Дохов и другие, оставались в одиночестве. Их власть свелась к нулю. Лже-социалисты превратились в слепое оружие английского командования, в прихвостней и лакеев империализма.

Реконструкцию белой власти капитан Тиг-Джонсон объясняет так: „...после поражения Турции и Германии, изгнание большевиков

из России является единственной целью наших действий в России вообще и в Закаспии, в частности.

Стремясь к этой цели, мы были недовольны прежним составом и конструкцией Закаспийского правительства, так как оно действовало недостаточно энергично против большевиков“.

Такое объяснение было дано Тиг-Джонсоном представителям кизил-арватской организации эсеров 13-го января 1919 года („Голос Средней Азии“ за 1919 г., № 10).

На вопрос о причинах многочисленных обысков, производившихся среди рабочих, Тиг-Джонсон ответил, что эти обыски вызваны, с одной стороны, необходимостью обнаружить большевиков и с другой — желанием обезоружить население. — „Рабочим оружие не нужно, для охранения их безопасности имеется военная сила“. — Тиг-Джонсон благоразумно умалчивает при этом, почему обыски, аресты и всякого рода репрессии обрушивались, главным образом, на рабочих...

Несмотря на такие „откровенные“ ответы, кизил-арватские эсеры ушли из Великобританской Миссии вполне успокоенными, убедившись, что „дело борьбы с большевиками в надежных руках и что рабочему делу и завоеванию революции ничто не угрожает“.

В состав Комитета Общественного Спасения вошли: Зимин, Дружкин, генерал-майор Крутень, Ходжи-Мурад и Белов.

После организации Комитета, гонения на рабочих усилились. Полновластные правители области — англичане проводили свою политику через своих ставленников Дружкина и Крутеня, сосредоточивших в своих руках гражданскую и военную власть.

После митинга 31 декабря, новое правительство никаких собраний больше не разрешало.

На этот счет по линии Средне-Азиатской железной дороги была послана следующая телеграмма:

Представителям исполкомов, стачкомов, командующему войсками, начальнику правого штаба, командантам станций, городов, начальникам отдельных частей.

Приказ Комитета Общественного Спасения по Закаспийской области № 4.

С 5-го января 1919 года без разрешения Комитета Общественного Спасения воспрещаются митинги и собрания. Самовольно созываемые митинги после издания настоящего приказа будут подавляться вооруженной силой без предупреждения.

П.п. члены комитета: Белов, Дружкин и Зимин.

Управляющий военными делами Крутень.

Издание такого приказа вызвало взрыв негодования со стороны профессиональных организаций.

Негодование вылилось в широкий протест.

Чтобы поддержать свой авторитет и ослабить неприятное впечатление, созданное этим распоряжением у рабочих масс, Комитет пошел на уступку и 11-го января разослал такую телеграмму:

„Комитет Общественного Спасения разрешает всем профессиональным сюзам и организациям общие собрания без особых на то разрешений, но под ответственность всех членов президиума союзов и организаций. При этом предупреждается, что собрания должны протекать без нарушения существующих законов. Напоминается, что всякие выступления на собраниях в пользу большевиков и в защиту советской власти являются преступными и будут караться со всей строгостью существующих законов“.

Такое послабление со стороны Комитета Общественного Спасения генерал Малессон счел излишней мягкотелостью. Вскоре в „Голосе Средней Азии“ появилось следующее объявление, которое аннулировало распоряжение Комитета Общественного Спасения:

Великобританская Военная Миссия

О б ъ я в л е н и е

Довожу до сведения всех граждан города Ашхабада, что всякие собрания, сборища, митинги и скопления народа воспрещаются. Всякие попытки к собранию и к устроению демонстраций будут мною, в случае надобности, подавляться вооруженной английской силой.

Генерал-майор Малессон.

IV.

Начало конца

Первоначальная форма интервенции, в виде общего вооруженного выступления „Союзников“, по ряду причин, потерпела крах. „Завоеватели“ не могли найти общего языка в вопросах „политики“ и в их рядах стали возникать трения и конфликты.

Вместе с тем, под влиянием агитации большевиков, постепенно стали разлагаться оккупационные войска. Это разложение, до некоторой степени, коснулось и тех незначительных сил англичан, которые были в Закаспии. В последние дни пребывания их в области, около 20 английских солдат-сипаев было арестовано и выслано „за политику“ в Бомбей.

Ко всему этому нужно еще добавить и нараставшее, среди различных слоев населения области, недовольство против „Союзников“. Рабочие это недовольство выражали открыто, дружно выдвигая лозунг — „долгой англичан“.

Вывод английских войск из области, конечно, был так или иначе предпринят и английское командование ставило лишь себе задачей уйти „победителем“, с почетом, сохранив в глазах „цивилизованного“ мира, (хотя-бы для вида), „тесное дружеское единение с оплакивающими их уход рабочими“.

В этом отношении представители английского империализма получили взаимную поддержку от своих лакеев — ашхабадских и кизил-арватских эсеров.

Вокруг вопроса о выводе английских войск из области, белогвардейской прессой создавалось искусственное общественное мнение.

Изо дня в день, в белой печати на все лады трактовалось о великодушии и могуществе союзников, высказывались сожаления об их уходе, проливались слезы и составлялись петиции „от различных слоев населения“ с просьбой не покидать их и т. д.

В № 38 „Голоса Средней Азии“, от 23-го февраля, в статье „По поводу забастовки печатников“ некий Минин пишет, что эта забастовка является ничем иным, как результатом работы большевиков, и, тут же, приплетает англичан:

„Прикрываясь экономическими лозунгами большевики стараются вызвать беспорядки и недоверие к Правительству, которое избрано Исполнительным Комитетом, представителем революционных рабочих туркмен, собравшихся на съезд в Асхабаде, Правительству, одобренному с персональным отношением Великобританской Миссией в Туркестане... Среди же обывателей, вообще, разные темные личности распространяют слухи об уходе англичан, о приходе офицерских частей с Кавказа с целью монархического переворота и проч. и т. д.“

Содружество лже-социалистов с буржуазией и военной кликой по историческому закону претворяло эти „слухи“ в жизнь во всех белогвардейских странах. Закаспий в этом отношении исключением не был. Как отечественная буржуазия, так и трактовавшие о „свободах“ англичане, неизменно толкали запутавшихся соглашателей вправо.

Минин напрасно прикрывался фиговым листком,—21-го января в войсках были введены погоны, появились, как и раньше, деньщики, солдаты превратились в „серую скотинку“; доблестное офицерство на своих попойках пело „боже царя храни“ и возглашало здравицу за „императора“ Михаила Александровича, а по городу распространялись его манифесты.

Главой английского представительства в Закаспии генералом Малессоном, перед уходом, была проделана довольно неудачная инсценировка в виде „дружеской“ беседы с представителем власти—управляющим отделом труда Курылевым (бывший табельщик Кизил-Арватских мастерских).

Эта беседа была напечатана в „Голосе Средней Азии“ от 11 февраля 1919 г. Вот выдержка из этой информации, которая отражает политику английских империалистов, направленную на удушение рабочего класса, и их бешеную ненависть к большевикам.

„6-го февраля с. г. был принят генералом Малессоном управляющий отделом труда и социального обеспечения Закаспийского правительства С. Курылев. Цель приема — информирование обеих сторон о происходящих событиях в данный момент. Беседа велась через посредство переводчика, каковым был капитан Джарекс.

После взаимных приветствий генерал Малессон сказал:—„Союзники пришли в Закаспий, по приглашению русских рабочих и туркменского населения, в самый опасный для вас момент со стороны большевиков и, кроме того, мы считались с опасностью положения, если бы тогда туркам удалось пробраться в Закаспий, а также в Афганистан. Теперь эта опасность минувала и мы можем уйти в любой момент, если вы этого пожелаете. Между прочим, туркмены определенно просят нас остаться и мне известно, что среди населения ходит подписной лист, я не знаю, от кого он исходит, но цель—это просить нас остаться здесь. Я совершенно не желаю никаких подписей и если выяснится, что большинство населения против нас, то мы уйдем, но нужно, чтобы все происходило тихо, мирно“.

Уход англичан, не на шутку, встревожил членов Закаспийского правительства и у всех активных участников июльского переворота опускались руки.

У палачей ускользала из под ног даже та шаткая почва, которая чувствовалась все же в присутствии англичан.

Они оставались одинокими, брошенные своими покровителями, чуждые и ненавистные населению, „которое спасали от большевиков“.

Чувствовалось неминуемое приближение грозного часа расплаты за все свои грязные делишки.

Дрожа за свою шкуру, жалкие предатели пытались ухватиться за последнюю „соломинку“.

Среди туркменского духовенства, беаистов и прочего спекулятивного мира стали спешно собираться подписи под „петицией“ к англичанам с просьбой остаться, не уходить из края, не доведя дела до победного конца. Но кампания по собиранию подписей не имела успеха и Малессону пришлось уходить, не дождавшись заявления „от всего народа“.

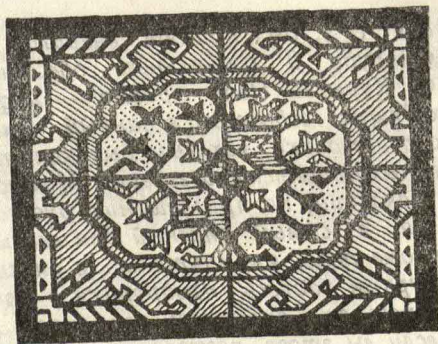
Англичане вывели из Ашхабада свои войска в Персию в апреле 1919 г. В их руках оставался только Красноводский порт, где до августа стоял оккупационный отряд полковника Скотта.

Разгром белогвардейцев и продвижение советских войск от Ашхабада к берегам Каспийского моря—ускорили уход англичан и из Красноводска.

4-го августа 1919 года в Закаспийской области не осталось ни одного „Союзника“.

Вслед за ними, вскоре были опрокинуты в море и жалкие остатки белогвардейских банд.

Кошмарная полоса владычества английского империализма и продажной клики лже-социалистов в Закаспии закончилась, оборвавшись навсегда.

ВОССТАНИЕ АШХАБАДСКОГО ГАРНИЗОНА

К 25 ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ

20 сентября исполнилась двадцатипятилетняя годовщина процесса над восставшими революционными солдатами ашхабадского гарнизона. Пред военным судом предстало 585 обвиняемых.

В исторические годы первой русской революции, волна революционных событий широко охватила царские колонии Ср. Азии. Железнодорожный пролетариат и солдаты местных гарнизонов вели упорную борьбу с самодержавием.

Условия для солдат в Туркестане, где царская колониальная политика требовала сосредоточения крупных войсковых частей, были особенно тяжелые и в значительной мере способствовали развитию и подъему революционных настроений. Рабочие и крестьяне, оторванные от своих семей, от земли, фабрик и заводов, были брошены в непривычную, чужую для них обстановку. В железнодорожных, саперных и артиллерийских частях было не мало рабочих промышленных центров, имевших опыт стачечной борьбы и революционную закалку. Кроме того, окраины царской России обычно служили местом ссылки наиболее беспокойного элемента. Именно в этот период участилась отдача в солдаты студентов за участие в стачках и беспорядках и ссылка их на военную службу на Кавказ и в Среднюю Азию. Все это создавало благоприятные предпосылки для успешного развития революционных идей. События 1905-6 годов в Туркестане, в особенности в быв. Закаспийской области, достаточно ясно характеризуют настроение солдат и их готовность выступить на поддержку рабочих в борьбе против самодержавия.

Социал-демократические ячейки в войсках стали организовываться в 1904 году и широко развернули работу среди солдат в последние два года. Значительную помощь им оказывали рабочие партийные организации, снабжая литературой и посылая работников для агитации и пропаганды. В воспоминаниях участников событий этого периода и в официальных документах указывается на работу в войсках руководителей социал-демократических рабочих кружков—Хатынтаева, Катаева, Вахнина, Бакрадзе, Ворopaева и др. В обвинительных актах судебных процессов того времени часто встречается фамилия Нестерова, посещавшего казармы с целью агитации. В подпольных типографиях для солдат выпускались прокламации, листовки, воззвания. В Ташкенте издавался солдатский листок «Правда». До первой краевой социал-демократической конференции (февраль 1906 г.) этот листок являлся органом военно-революционных организаций при ташкентской группе РСДРП. После конференции он стал органом туркестанских военных организаций и выхо-

дил на 6—8 страницах с тиражом 2—3 тысячи. В нем помещались общеполитические статьи, хроника из местной солдатской жизни и корреспонденции из Коканда, Самарканда, Ашхабада, Кушки и Кизил-Арвата.

В ночь с 19 на 20 сентября 1905 года на дворе 1-й легкой батареи 2-й арт. бригады в Ашхабаде была подобрана прокламация такого содержания:

«РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К СОЛДАТАМ.

Объявляем, что в настоящее время в Ашхабаде образовался солдатский социал-демократический комитет, который ставит своей главной задачей вести в войсках пропаганду и агитацию с целью объединения всех солдат в крепкий союз для борьбы с существующим правительственным произволом, а также борьбы с ближайшим военным начальством, разоблачая все акты насилия его над нижними чинами.

В данном случае начальству придется иметь дело не с беззащитными единицами, а с хорошо организованной и сознательной массой, готовой в случае необходимости открыто и энергично выступить с протестом.

Братцы, солдаты, вступайте в ряды нашей организации и будем бороться за одно, против гнета и нахального издевательства над нами.

Нам запрещают говорить об улучшении своей жизни и одно слово «забастовка» грозит виселицей, но если мы объединимся и будем дружно стоять друг за друга, то никакое начальство не осмелится трогать нас, сила на нашей стороне, нужно только действовать всем согласо.

Для начала обращаем внимание наших собратьев на следующие факты насилий начальства над нижними чинами.

1. По уставу ежегодно солдатам должна выдаваться добавочная рубашка, но вот уже второй год их не выдают нам. Куда деваются деньги выдаваемые казной на эти рубашки?

2. 24 июля этого года 3-й стрелковый батальон хотели накормить вонючим борщом, который и собаки не станут есть. Видно больно мало выдается офицерству жалования на пьянство, картежную игру и т. д. — надо же погреться около солдатских харчей.

3. В настоящем и прошлом годах, начиная с апреля, при здешней жаре, сол-

даты лазили по горам косить сено. В прошлом году скошили и перевезли в город более 3.000 пуд. в этом году более 4000 пуд. Не мало пришлось полугодным солдатам жариться на солнце, часто без воды, за этой работой. Но что же они получили за свой каторжный труд? Ничего, ни ломаного гроша. Между тем, в приказе этого года написано: «за уборку и перевозку с батальонных лугов скошенного сена уплачено за 500 п.—150 р. и за 3060 пуд. 692 р. 50 коп.». Таким образом, начальство только на одном сене за два года обворовало нас более, чем на полторы тысячи рублей. И только в одном батальоне за эту тяжелую работу бросили косившим, как собакам, несчастные три рубля на каждого, да еще начальническое спасибо. Да на что нам их «начальническое спасибо», из него себе чамбар не сошьешь.

На первый раз мы взяли только эти три факта. Разве упишешь на бумаге все те возмутительные притеснения и несправедливости, которые совершает над нами начальство.

Часто начальство поет нам: «Враги, мол, те, которые пишут такие вещи и подбрасывают прокламации... Враги-то они враги, да только чьи враги, — начальства или же солдата...»

Да, мы заклятые враги всех кровопийцев, высасывающих последнее из скудного солдатского пайка. Мы — враги всех начальников, готовых каждую минуту направить дело солдата и его же братьев-крестьян и рабочих. Дисциплиной и казарменным заключением они сделали из нас каких-то диких зверей, убивающих своего же трудящегося голодающего брата. Братцы, мы проснулись и нашли друг друга. Каждый из нас считает лучшим для себя умереть, чем быть палачом в руках правительства. Присоединяйтесь же к нам, товарищи!

Солдатский Комитет Асхабадской организации РСДРП.

Асхабад, 28 августа 1905 года.

Выпущено 800 экземпляров.

Типография Асхабадского комитета»

Революционное настроение солдат в Закаспийской области характеризуется тем, что все проходившие в этот период забастовки, митинги, демонстрации не были отмечены со стороны солдат выступлениями против рабочих. Наоборот, солдаты охотно посещали рабочие собрания и примыкали к их выступлениям. Во время октябрьской забастовки к рабочим примкнули солдаты железнодорожного батальона и участвовали на митинге в городском саду. Организованная черносотенцами патриотическая манифестация, по прибытии к казармам 5-й горной батареи для выражения своих верноподданнических чувств, была солдатами разогнана.

Дружному июньскому (1906 г.) выступлению солдат асхабадского и др. гарнизонов области предшествовали отдельные случаи волнений в войсках в октябре и ноябре 1905 г. Восстание солдат в ташк. крепости в ночь на 16

ноября 1905 г. и кровавая расправа с ними царских палачей послужила сигналом для выступления солдат местных гарнизонов, а также началом исторической ноябрьской забастовки на Средне-Азиатской железной дороге. Волнения среди солдат охватили почти все гарнизоны, при чем, в Кушке, Мерве и в Аму-Дарьинской военной флотилии события приняли затяжной характер.

С разгромом ноябрьской забастовки революционный подъем рабочих пошел на убыль. Затихло на время брожение и в военных частях для того, чтобы еще ярче вспыхнуть в июньские дни 1906 г. Сигналом к восстанию послужил приговор батальонного суда, вынесенный над солдатами 2-го закаспийского батальона за нарушение правил караульной службы. О нем, впрочем, в первые же часы восстания было забыто.

Обстоятельства восстания рисуются так: 16-го августа 1906 г. по войскам Туркестанского округа генералом Субботичем был издан приказ за № 371 о предании суду солдат 2 и 3 закаспийских стрелковых батальонов, 1 и 2 железнодорожных батальонов и кушкинской железнодорожной роты. Обвинение в восстании было предъявлено 550 солдатам.

Обвинительный материал затушевывает революционную сущность восстания и приписывает его недовольству солдат существующими нормами питания в войсках и суровому приговору батальонного суда над унтер-офицером Сенгенко и друг. Однако, формы, которые приняло восстание, исключают эти мотивы и свидетельствуют о революционной установке восставших и их организованности.

Солдаты 2-го стрелкового батальона 13 июня вооружились винтовками и захватили боевые патроны. Командиру батальона были предъявлены следующие требования:

«Мы, солдаты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона, заявляем вам, командиры, что мы больше не хотим быть бесправными людьми, на которых вы смотрите, как на рабочую скотину, эксплуатировать и издеваться над которой может всякое начальство. Поэтому, мы заявляем протест против такого положения и для улучшения нашего быта требуем немедленного исполнения следующих пунктов:

1) Освобождения арестованных и восстановления в правах товарищей, пострадавших за политические убеждения;

2) отобрания от офицеров всей казенной прислуги, как-то: денщиков, вестовых и т. п., так как такая роль не соответствует званию солдата—защитника отечества;

3) немедленное увольнение в запас армии нижних чинов сроков службы 1902 и 1903 г.г.;

4) вежливое обращение начальствующих с нижними чинами и обязательное обращение на «вы», так как обращение на «ты» является пережитком крепостного права;

5) отмена наказаний за маловажные проступки как-то: неумышленное неотдание чести и т. п.;

6) отмена батальонных судов и передача дел о нижних чинах гражданскому суду;

7) предоставление права подавать жалобы на офицеров прямо в суд;

8) отмена статьи устава, навязывающей солдату лакейские обязанности, как-то: подавание галosh, пальто, отворяние дверей и т. д.;

9) немедленно прекратить пользование войсками в полицейских целях, как-то: участие в арестах, обысках и т. п.;

10) беспрепятственное увольнение со двора в свободное от занятий время и допущение в казармы знакомых как военных, так и штатских;

11) неупотребление солдат ни на какие работы, кроме ротного-хозяйственных;

12) устройство батальонных и ротных библиотек и выписка любых газет и книг по выбору самих солдат;

13) отменить статьи устава, предоставляющие право начальствующим вскрывать солдатские письма, а также предоставить право получения всякой корреспонденции самим солдатам, по удостоверению личности получателя командиром части;

14) все отпуски от казны как денежные, так и натурой, выдавать нижним чинам на руки полностью, без всяких вычетов и своевременно;

15) полная свобода посещения всякого рода собраний и признать законным право устройства солдатских собраний для обсуждения своих нужд;

16) установить отпуск от 1-го до 4-х месяцев, с сохранением содержания и всех видов довольствия с правом бесплатного проезда по сухопутным и водным путям;

17) установить в батальонах и ротных мастерских шестичасовой рабочий день;

18) отменить караульную службу, превышающую норму, определенную уставом и, согласно устава, освобождать возвратившихся из караула от занятий на сутки и перед нарядом освобождать с обеда;

19) все экономические хозяйственные суммы должны расходоваться на личные нужды нижних чинов по их усмотрению;

20) наградные деньги распределять между всеми нижними чинами без исключения и поровну, без всяких отчислений в хозяйственные суммы;

21) от нижних чинов, вступивших в брак, не отбирать подписок в том, что они не будут просить о зачислении на довольствие семейств, но наоборот, семьи всех нижних чинов зачислять на квартирное и прочее довольствие;

22) объяснить причину отобрания от нижних чинов пособия, выданного товарищами рабочими кизил-арватских мастерских семейным нижним чинам, снятым с дороги;

23) выяснить обстоятельства снятия с дороги семейных нижних чинов и арес-

та троих из них, немедленно восстановить их в правах;

24) на будущее время на поверках объявлять об арестах нижних чинов: кто, кем и за что арестован;

25) отстранить капитана Спектора и фельдфебеля Гусева вовсе из батальона;

26) устроить столовую при штабе батальона и приобрести посуду для каждого нижнего чина;

27) выяснить разницу между старым и новым окладом на шитье сапог и тем, кто получил давно построенные и уже гнилые сапоги выдать дополнительно деньгами; вообще же все готовые вещи выдавать непосредственными;

28) выдачу гнилого мыла заменить отпуском денег;

29) нижним чинам, служащим на дороге, установить плату не менее 60 коп. в день;

30) выпускать нижних чинов на службу дороги по срокам и специальностям;

31) распределить несение караульной службы поровну между всеми нижними чинами батальона;

32) обратить особое внимание на улучшение быта нижних чинов музыкантской команды, как-то: улучшение пищи и своевременная выдача всех заграничных денег без всяких вычетов;

33) всем увольняемым в запас армии нижним чинам, состоящим на службе дороги, по увольнении их в запас, представлять те же самые должности без всяких ограничений;

34) тем нижним чинам, кои до призыва на службу занимали должности в правительственных, частных и иных учреждениях, предоставить по увольнении в запас те же должности или же выдать одновременно вознаграждение в размере не менее пятидесяти рублей, о чем начальство должно озаботиться заблаговременно;

35) выставляя наши чисто солдатские требования, мы заявляем, что кроме них мы вместе с народом будем добиваться исполнения всех требований, предъявленных Государственной Думой!.

Такие же требования к своему командир-у предъявили и солдаты 1-го железнодорожного батальона.

Восстание нарастало очень быстро. После отказа командиров выполнить требования солдаты 2-го батальона изгнали из казарм офицеров и приступили к выборам командиров из своей среды. Командиром батальона был избран фельдфебель Александр Жуков, его адъютантом — писарь Степан Егоров.

15, 16 и 17 июня в батальоне проходили митинги. В другие части гарнизона были разосланы делегации с предложением присоединиться к восставшим.

Солдаты 3-го стрелкового батальона 16 июня собрались для выработки требований к начальству. Во время горячих обсуждений было получено распоряжение о немедленном выступлении солдат на станцию железной дороги. После некоторого колебания солдаты повиновались и с оружием в руках прибыли

на станцию. Оказалось, что их, как наиболее благонадежную часть, выслали для обезоружения солдат 1-го железнодорожного батальона.

По прибытии стрелков к воротам казарм железнодорожного батальона в их ряды бросилось свыше 100 солдат железнодорожников и смешавшись, привели их в полное расстройство. Обвинительный акт так описывает происходившие здесь события:

«Нижние чины железнодорожного батальона начали кричать стрелкам: Инеужели вы, братья, будете стрелять в ваших братьев? Те отвечали, что не думают этого делать. Говорили из толпы командиру батальона: «Раз мы взялись за винтовки, то ты уходи, не твое дело». И при этом ругались. Командир батальона приказал ввести стрелков во двор. Но этого привести в исполнение не удалось, так как большая половина нижних чинов, бывших в казарме, выскочила наружу с криками: «Умрем, но друг друга не выдадим». И выбежав за ворота, кричали: «Не давай стрелкам строиться, расстраивай ряды!». В то же время агитаторы из железнодорожных нижних чинов обращались к стрелкам с речью: не итти против борцов за свободу. Влияние этих железнодорожных нижних чинов на стрелков сказалось в том, что многие стрелки целовались с нижними чинами жел.-дор. батальона, жали руки, обнимались, выражая полную солидарность и у многих были смеющиеся лица. Минут пятнадцать продолжалось все это, но, наконец, по приказанию стрелкового офицера, отдавшего несколько раз среди шума отдельным нижним чинам и по группам приказание повернуться «на право», «шагом марш», общая толпа нижних чинов двинулась по направлению к вокзалу. В толпе стали робко запевать революционные песни и тотчас же их прекращали, раздавались одиночные выкрики: «бей офицеров, бей вампиров!» Когда толпа дошла до роты третьего батальона, то повторилось то же, что и около казарм. Три роты железнодорожного батальона и нижние чины с криками и песнями двинулись в город. Между тем, нижние чины, как третьего, так и железнодорожного батальонов, двигались по Аннековскому шоссе. За станцией с ними соединились 1 и 2 роты взбунтовавшегося 2-го стрелкового батальона, пришедшие поддержать железнодорожных солдат против 3-го батальона. Все шло в беспорядке. Масса было вольных людей, которые разжигали остальных нижних чинов. По дороге все время слышались крики: «Долой офицеров, арестовать их!» Напротив 1-го закаспийского стрелкового батальона раздался выстрел, от которого очень многие побежали. Часть побежала в батальон, часть спряталась в сад, вследствие крика, раздавшегося из батальона: «Казаки!» После этого медленно нижние чины всех батальонов, участвовавших в шествии, стали постепенно собираться. Собрались

все к 3-му батальону, около которого стояли стрелки третьего батальона и присоединились к себе железнодорожный батальон и 2-й закаспийский стрелковый батальон, но те им отвечали: «Мы вам не ведем, у вас есть пулеметы». После этого прошли мимо и направились во второй батальон, где пробыли с полчаса. За это время во втором батальоне говорились речи как железнодорожным, так и вторым батальоном. Какой-то вольный читал требования и их одобряли. После этого нижние чины 2-го батальона стали настаивать, чтобы железнодорожный батальон построился и шел в порядке домой. Был выбран младший унтер-офицер Епифан, который построил батальон и повел к себе. При выходе из 2 стрелкового батальона окружающая вольная публика закричала «ура» и все двинулось за ними. Головные взводы еще шли в относительном порядке, но в хвосте был полнейший беспорядок. Нижние чины явились домой в 9 часов вечера. Недопустили переклички, но потребовали прочесть наряд на завтрашний день. Последнее было сделано. После этого возник у них вопрос: кто будет их охранять ночью, если на них нападут казаки. Возложили эту обязанность на дежурного по роте младшего унтер-офицера Шамрая, с тем, чтобы он периодически высылал патрули. После этого все легли спать».

В обвинительном акте умалчивается о том, что бывшие при этом офицеры были разоружены, некоторые были избиты и отвезены в город в повозках Красного креста и в каретах скорой помощи.

Солдаты кушкинской железнодорожной роты, в числе 124 чел., 16 июня бросили работу по обслуживанию фирюзинской ветки, захватили оружие, разобрали патроны и разогнали своих офицеров. В лагере Ак-Тепе (бывшая станция ветки) состоялся солдатский митинг, на котором прорабатывались требования к начальству.

Того же 16 июня солдаты ашхабадского артиллерийского склада, получив сообщение о митинге во 2-м стрелковом батальоне, бросили работу и ушли на митинг.

Однако, необходимо сказать, что в некоторых частях гарнизона солдаты не были подготовлены к выступлению. В Фирюзе посланных делегатов постигла неудача. После предложения уполномоченного делегации стрелка Захара Плугина присоединиться к восставшему батальону, солдаты воинской команды и команды музыкантов хотели выступить в Ашхабад, но смалодушничали, поддавшись уговорам своих командиров.

В статье тов. Муравейского (см. «Коммунист», орган ЦК КПТ, № 7—8 за 1922 г.) приводится интереснейший документ, характеризующий отношение солдат ашхабадского гарнизона к Государственной Думе. Восставшими солдатами был выработан текст наказа депутату Государственной Думы И. Мионову:

«Мы, солдаты ашхабадского гарнизона, шлем свой искренний привет тебе, дорогой Иван Ефимович и желаем тебе

успеха в борьбе за народные права, за народную свободу.

Мы, солдаты, тебя не избрали, так как армия лишена не только избирательных, но и всех гражданских прав; но мы всецело присоединяемся к голосу народа, зная, что народ доверил тебе свою судьбу, поручил тебе защищать его права.

Будь ты, Иван Ефимович, и нашим депутатом-ходатаем и защитником наших солдатских нужд. Помни, что в армии под солдатскими мундирами бьются сердца, исполненные горячей любви к страдальцу-народу, мы также желаем видеть родную страну, очищенной от злодеев, терзающих ее, мы также хотим свободы всему народу. Ведь и мы родные дети русского народа.

Мы также требуем, чтобы страной управляли не чиновники и дворяне, а сам народ и вся власть принадлежала только ему.

Все заключенные в тюрьмах и каторге за политические убеждения и за участие в аграрных беспорядках, должны быть освобождены на волю. Это самые лучшие сыны родины, они боролись за счастье и свободу всего народа.

Вся земля должна быть отобрана от кулаков и помещиков и передана крестьянам.

Народ должен пользоваться во всем полной свободой.

Каждый гражданин русского государства должен пользоваться свободой слова, союзов, собраний, печати и неприкосновенностью личности. Такими же свободами должна пользоваться и армия, потому что она часть народа и неотделима от него.

Армия постоянная, насильно набранная из детей народа для защиты интересов имущих и властвующих, должна быть уничтожена и заменена народной милицией. Если этого нельзя скоро добиться, то срок службы в войсках должен быть сокращен до двух лет.

Пусть Дума в своей деятельности на пользу народа помнит, что армия глубоко заинтересована ее работой, сочувствует ей и никакие клеветы, ложь и одурманивание солдат со стороны начальства не помогут уронить Думу в глазах солдат.

Да здравствует Государственная Дума!

Да сослужит она великую службу народной свободе и счастью всех граждан родной страны!»

По содержанию этого наказа можно составить достаточно ясную картину о влиянии различных политических групп в военных организациях. Участие в борьбе меньшевиков и эсеров, упорное смазывание ими большевистских лозунгов, отсутствие в этой борьбе революционной перспективы — привело восставших к тупику.

В дни 16, 17 и 18 июня город фактически находился в руках восставшего гарнизона. Руководители восстания, раздираемые партийны-

ми противоречиями, свели свою ответственную роль в начавшейся борьбе к бесцельному митингованию. В таких условиях поражение было неизбежно. Солдатам, не имевшим твердого руководства, ничего не оставалось делать, как отказаться от своих требований и положиться на милость «победителей».

Царский суд над революционерами солдатами открылся в Ашхабаде 7 сентября, (старого стиля) 1906 года. Суд происходил в бывшем военно-офицерском собрании (ул. Фрунзе, ныне Дом Красной армии). Председателем суда был назначен военный судья генерал-майор Уссаковский, брат бывшего начальника Закаспийской области.

Судебный процесс о восстании в ашхабадском гарнизоне расчленили на несколько дел. В первую очередь слушалось дело о 35 солдатах ашхабадского артиллерийского склада и их начальстве — поручике Дмоховском и начальнике мастерских Яхтмане. Последние обвинялись в бездействии.

Следующим разбиралось дело солдат 2-го закаспийского стрелкового батальона в числе 142 чел. и 7 солдат других частей батальона. 13 сентября был вынесен приговор, по которому выборный, командир батальона Жуков, его адъютант писарь Егоров, солдаты Белов, Музайков, Плугин, Чермашенцев, Климов, Седых, Кожевников и Голиков получили по 20 лет каторжных работ, Ивашкин — 4 года, четверо — исправительные арестантские роты от двух до пяти лет, с посылкой на самые тяжелые работы и один — на год в дисциплинарный батальон. Остальные отделались сравнительно легко, получив по восемь недель ареста на хлеб и воду, лишение унтер-офицерского и ефрейторского звания и перевод в разряд штрафovaných.

По делу солдат 1 и 2 батальона привлекалось 227 обвиняемых. 16 сентября из-под стражи бежало четверо солдат — Игнатьев, Кахрейдзе, Метревели и Малышев. Во время смятения и паники в судебном зале при убийстве прокурора Ринкевича скрылось еще несколько обвиняемых. Таким образом, к концу процесса из 227 обвиняемых осталось 206 чел.

Убийство прокурора произошло при следующих обстоятельствах. 18 сентября с суровой обвинительной речью выступил на суде военный прокурор Ринкевич. Он рисовал обвиняемых, как разбойников, изменников и предателей царя и отечества, и требовал для них высшей меры наказания. К концу судебного заседания сидевший на передней скамье для публики техник Морозов вскочил и, вынув револьвер, выстрелом в упор уложил Ринкевича. Следующие два выстрела Морозов направил на председателя суда, но тот, как и члены суда, успел укрыться под стол. Поднялось смятение, во время которого Морозов кинулся к выходу. Бросившийся за ним дежурный офицер поручик Борисоглебский нанес Морозову смертельный удар шашкой. Суд на несколько дней был прерван.

Как протест против суда, в Ашхабаде и Кизил-Арвате была проведена однодневная забастовка.

События эти и тревожное настроение города заставили суд значительно смягчить при-

говор. В итоге 10 солдат получили строгий арест по 12 суток, 136 чел. приговорено к аресту на хлеб и воду на шесть недель и один — на семь недель. Остальные были оправданы.

Убийство прокурора и производство дальнейшего разбора суда при закрытых дверях было отмечено в приказе по военному округу в такой редакции:

21 сентября 1906 года № 453.

П Р И К А З

П о в о й с к а м

Туркестанского военного округа.

гор. Ташкент.

18 сего сентября, во время публичного судебного заседания временного военного суда в Асхабаде, по делу о беспорядках, бывших в июне текущего года в некоторых частях войск Асхабадского гарнизона, убит военный прокурор генерал - майор Ринкевич выстрелом из револьвера мешанином Морозовым, бывшим в зале заседания в числе публики, который покушался еще и на жизнь председательствающего в том суде.

До сего времени все военносудные дела, за исключением поименованных в 788 и 1202 ст. Уст. Воен. Суд. (по редакции приказа по Воен. Вед. 1905 г. № 129) рассматривались всегда при открытых дверях заседания, дабы не лишать военные суды всей широты их гласности, столь существенно гарантирующей интересы подсудимых, правосудия и самого общества, охранять, в то же время и суд от могущих быть несправедливых укоров в пристрастном решении суда.

В виду же указанного случая убийства и покушения на таковое, не видя других средств к предупреждению повторения со стороны публики подобных же преступлений, предписываю рассматривать все дела, как с политическим оттенком, так и дела характера, указанного в 789 ст. Воен. Суд. Уст. (по той же редакции приказа), при закрытых дверях, с представлением председателю суда, по его

усмотрению, рассматривать подобного рода дела и при открытых дверях заседания.

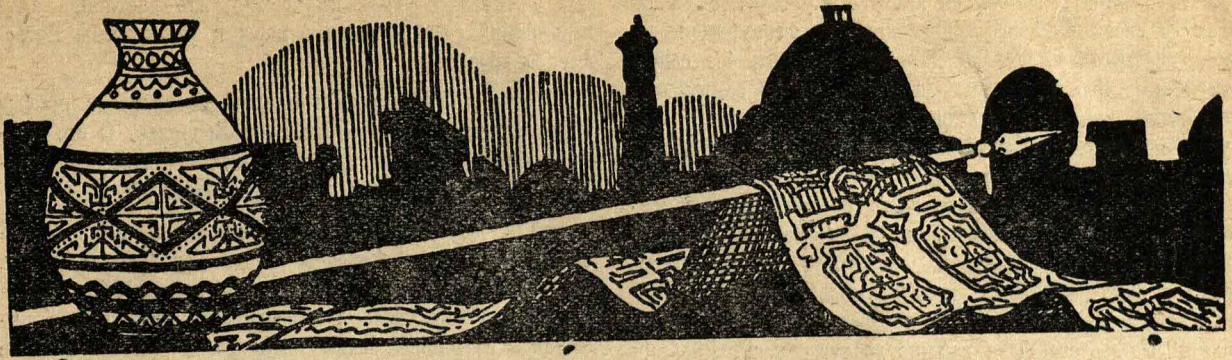
Подписал Вр. Командующий войсками генерал-лейтенант МАЦИЕВСКИЙ.

Заключительный акт героической истории восстаний 1905—1906 года революционных солдат ашхабадских и других гарнизонов Туркестана весьма характерен и поучителен. Он говорит о том, что представители царского правительства здесь, в Туркестане, не имели доподлинно-надежных и преданных «престолу» военных частей, с помощью которых местные Минны и Риманы могли бы залить область кровью солдат, поднявшихся на борьбу с царским произволом.

Веревка палача и пули, предназначавшиеся мятежникам, сменились арестом на хлеб и воду. Разница громадная. Но было бы ошибочно думать, что комедия суда этим закончилась. После «милостивого» приговора царским палачам легче было чинить расправу над солдатами. Первый железнодорожный батальон был расформирован. До 300 солдат сослали в Казанджик. Наказания за малейшие провинности были усилены. Началось вылавливание «кромольников» поодиночке.

Революционная борьба рабочих и вспышки во многих гарнизонах Туркмении не имели общего руководства и организующего центра. Социал-демократические организации в войсках и в рабочих центрах, вследствие преобладания в них меньшевиков, выбрасывали красивые лозунги за объединение и борьбу с произволом, но конкретно не ставили вопрос о совместной борьбе солдат и рабочих, об организованном вооруженном выступлении. В конечном результате протест восставших солдат свелся к изгнанию офицеров, выбору солдат-командиров и бесцельному митингованию. Слабая в то время группа большевиков не смогла возглавить движение. Не малую роль в дезорганизации движения сыграли эсеры, особенно усилившие свою деятельность с начала 1906 года. Они срывали организационную работу малочисленной группы большевиков, провозглашая солдат на частичные преждевременные выступления в отдельных частях гарнизонов.

Т. КОЗЛОВ.

Т. КОЗЛОВ

На Чимбайском фронте

Вместо предисловия

Дельта Аму-Дарьи и ее нижнее течение составляют обширный оазис в песках. Здесь сходятся границы Туркмении, Хорезма, Киргизии и Кара-Калпакской автономной области.

До экономического районирования Туркестана часть этого оазиса, или дельта и правый берег Аму-Дарьи, составляла Аму-Дарьинская область, с областным центром Петро-Александровском (в настоящее время — Турт-Куль).

Этот плодородный уголок был чрезвычайно слабо связан с промышленными и культурными районами: ближайшая железнодорожная станция находилась от Турт-Куля на расстоянии 400 слишком верст; волный путь, при быстроте подъемов и убылей капризной Аму-Дарьи, постоянно изменяющемся фарватере и скорости течения, не надежен. Изменчивость течения Аму-Дарьи, при полном отсутствии ирригационных сооружений, приводила нередко к тому, что в ряде местностей, богатых водой, годами бывала засуха; озера превращались в пашни, а пашни — в озера, морская вода (в северной части дельты) нередко заливала культурные земли. Поэтому здесь наблюдалась неустойчивость земледельческих хозяйств.

В районе дельты коренное население селилось хуторами-одиночками, в редких случаях соединялись в 2—3 усадьбы. По национальному составу население здесь чрезвычайно пестрое: кара-калпаки, узбеки, киргизы, туркмены, русские, таджики и др.

Из пришлого населения здесь селились казаки-староверы, перебравшиеся сюда из Уральской области — из-за репрессий со стороны царского правительства и православного духовенства. Казаки оседали поселками и в городах по Аму-Дарье, вплоть до Чарджун, где и поныне сохранилась пресловутая «Уралка».

В дореволюционное время этот оазис представлял из себя хлопководческий район, но с 1917 года хлопководство свелось на нет. Стала преобладать культура джугары, люцерны и пшеницы.

Значительное место в этом районе занимает кочевое скотоводство. Широко развиты рыболовный и каучуковый промыслы. Рыбные промыслы сосредоточены на Аральском море.

Из края вывозятся: хлопок, семена люцерны, шерсть, кожи и рыба. Ввозятся: хлеб и другие пищевые продукты, строительные материалы, керосин, а также изделия фабрично-заводской промышленности.

Отрезанный от культуры и промышленных районов, этот забытый в прошлом край жил своеобразной жизнью. Политическая работа совершенно отсутствовала, да и не было твердых, выдержанных товарищей. В самом низовье Аму-Дарьи, на острове «Муйнак», занималось рыбными промыслами свыше тысячи пролетариев-украинцев. Они не имели никакого понятия о происходящих событиях и в эпоху классовых битв не были привлечены к защите советской власти.

Поход на Хиву карательного отряда генерала Мадритова для усмирения восставших иомудов (1916 г.), после известного приказа о мобилизации местного населения на тыловые работы, послужил толчком к возникновению политической борьбы туркмен с царским правительством. Борьба эта, однако, окончилась неудачей, и она выродилась в простое уголовное басмачество. Этому способствовала сама карательная экспедиция: жестокие репрессии, насилия над мирным населением, грабежи и убийства неповинных туркмен, взятничество командного состава, — вот в чем особенно проявили себя «доблестные» усмирители.

После усмирения, царские войска были постепенно выведены из хивинского ханства.

В период с февральской революции до Октября появились небольшие разбойничьи шайки, которые совершали налеты и переходили на правый берег Аму-Дарьи. Число шаяк росло. Во главе их выдвинулся один из ханов Курбан-Мухамед-Сардар, из рода джунаид (Джунаид-хан). Ведя успешную борьбу с главарями других шаяк, он сумел их разбить и объединить мелкие шайки в одну.

Февральская революция, нарастающее движение рабочего класса и даже Октябрь получили здесь отражение лишь в телеграммах и распоряжениях из Ташкента. И только небольшие гарнизоны в Петро-Александровске и в других укрепленных пунктах реагировали на происходившие события, создавая в частях комитеты и советы солдатских депутатов.

С демобилизацией старой армии, весной 1918 года, гарнизоны в Хивинском ханстве опустели. Джунаид-хан со своей шайкой в несколько тысяч туркмен занял местность вплоть до Дарган-Ата почти без сопротивления. Победители засели в городах и занимались грабежом хивинцев. Хивинский хан Эсфендиар был убит, и Джунаид-хан на его место посадил Сеид-Абдуллу-хана.

Выступление Джунаид-хана против красноармейских частей, расположенных в населенных пунктах Аму-Дарьинского оазиса, начавшееся вслед за образованием Закаспийского фронта, указывает на несомненную связь Джунаид-хана с асхабадскими белогвардейцами. Шайка его была хорошо вооружена английскими винтовками и патронами. Вскоре Джунаид-хан напал на Новый Ургенч. Там он обезоружил гарнизон, аресто-

вал всех европейцев и разграбил учреждения и заводы, а также частное имущество. Это заставило аму-дарьинский совет принять меры к укреплению Петро-Александровска.

Осенью 1918 года в Петро-Александровск прибыл уполномоченный Туркеспублики Коноплев. С его приездом находившийся в городе чарджуйский красноармейский отряд выехал обратно в Чарджуй.

Для защиты от шаек Джунаид-хана была проведена мобилизация жителей города. Уральские казаки, призванные к оружию, образовали кавалерийские сотни. Установили связь с населенными пунктами в низовьях Аму-Дарьи. Была мобилизована сотня казаков на острове Муйнак и в Запре. Организовали штаб обороны и военный совет.

Набеги басмачей

Посланный в Новый Ургенч отряд, под командой Коноплева, забрал с собой всех жителей европейцев. В Ургенче были захвачены и расстреляны один иомуд и трое туркмен, привозивших в Новый Ургенч из Асхабада патроны.

Нападения шаек усилились. Правый берег реки подвергался усиленному обстрелу. Из опасения, что басмачи переправятся на левый берег, были уничтожены все каюки, находившиеся на левой стороне.

Разнузданность шаек Джунаид-хана, их насилия и грабежи привели к тому, что в Петро-Александровск посыпались коллективные заявления хивинцев, а также посылались представители от населения с просьбой о присоединении Хивы к Туркеспублике. С такой же миссией приезжал в Петро-Александровск и председатель хивинского меджлиса.

Особенно пострадало от набегов басмаческих шаек киргизское население. Бандиты вырезали целые волости, при чем женщин забирали в плен. Шайки докатывались вплоть до Ильчика (близ Чарджуя).

В ночь на 25 ноября 1918 года басмачи переправились на правый берег Аму-Дарьи, в Ак-Камыше (25 километров ниже Петро-Александровска). Отсюда они двинулись на город. Два отряда казаков, посадив красноармейцев на лошадей, двинулись навстречу и с трудом задержали наступление в четырех верстах от города. Ночной бой был безрезультатен. Красные части отступили и заняли окопы вокруг города.

Одновременно шайки переправились на правый берег ниже — в Бий Базаре (60 клм.) и Капчеке (120 клм.). Капчекский гарнизон отступил в Бир-Базар, и соединившись с защитниками уральского поселка, отступил в Петро-Александровск.

Руководство обороной города исполком поручил Коноплеву.

Киргизское население в пригородном районе и узбеки бежали в город.

Петро-Александровск оказался окруженным. Удачно применяясь к местности, пользуясь арыками и строениями, как прикрытием, басмачи приблизились к окопам на 100 шагов и повели правильную осаду. Положение города становилось опасным.

На седьмой день осады, в Петро-Александровск прибыл пароход «Ташкент» с членами коллегии комиссариата иностранных дел Туркеспублики Церицким

и Тимошенко и с отрядом интернационалистов. Положение сразу изменилось, и красные смогли перейти от обороны к наступлению.

В это же время басмачи в 30 километрах от Чарджуя перерезали телеграфные провода и напали на Кабаклинского бека.

Осадой города руководил Джунаид-хан. Силы его состояли свыше 4000 всадников, отдельными отрядами которых командовали Чарыкбей, Сапар, Умакбей и Ишан-хан (из асхабадского района).

Коноплев с ташкентским отрядом и казаками повел наступление на левом фланге. Басмачи оказали упорное сопротивление, и только после четвертой атаки их удалось обратить в бегство. Утром после боя город был освобожден.

За время осады наши потери по сравнению с басмачами были незначительны. Трупы убитых красноармейцев были зверски изуродованы, некоторые тела найдены без голов. В числе убитых оказался т. Кириллов П. М., казначей Коноплева.

Из допроса пленных выяснилось, что Джунаид-хан поддерживал связь с штабом закаспийских белогвардейцев. После взятия Петро-Александровска, Джунаид-хан должен был вести наступление на Чарджуй, используя имеющуюся в Петро-Александровске артиллерию и пулеметы. Перед осадой Джунаид-хан получил от белогвардейцев из Мерва три тысячи винтовок и большое количество патронов.

Отбитое наступление не облегчило положение городского населения. Джунаид-хан готовил силы к новому нападению. Шайки его пополнялись всадниками из туркменского населения, которое было недовольно поборами и притеснениями чиновников бывшего хивинского хана, ставленника царского правительства. Грабежи и насилия карательного отряда Мадритова разорили и без того обездоленное население, и расчистили влиятельному и хитрому Джунаид-хану благодарную почву для осуществления своих планов.

Банды группировались вокруг своих вождей. В поисках продовольствия — бандиты грабили население. Петро-Александровск и его окрестности наводнялись толпами беженцев. Сообщение с укреплением Нукус было прервано. Нукус подвергался нападению одной из шаек. Нападение было отбито. С усиленной охраной отправили в Нукус орудие и пулемет для подкрепления.

Областной город Петро-Александровск, все население которого составляло в мирное время около четырех тысяч жителей, вмещал в себе вместе с беженцами свыше двадцати тысяч человек. Большинство беженцев были киргизы и узбеки.

Жизнь в городе, объявленном на осадном положении, шла своим чередом. Городские дела разрешались в исполкоме Аму-Дарьинского совета солдатских, рабочих и дайханских депутатов. Чуть ли не ежедневно происходили заседания исполкома. Делами по обороне города ведал военный совет. Наряду с ним работало коллегиальное представительство в Хиве от комиссариата иностранных дел Туркеспублики. Во главе коллегии стоял Коноплев, — он же командующий войсками Аму-

Дарьинского отряда; членами коллегии были Перцикий и Тимошенко.

Скученность населения способствовала развитию эпидемий. Были случаи заболевания сыпным тифом.

Вскоре после отражения басмачей от города было заключено мирное соглашение с Джунаид-ханом. Это, однако, почти не улучшило положения местного населения. Отдельные шайки время от времени продолжали свои нападения.

Чтобы хоть до некоторой степени обеспечить мирную жизнь населения, была организована береговая охрана. На нижнем течении от Ак-Камыша до Ходжа-Кули (140 км.) и от Ходжа-Кули до Заира (150 км.) по участкам были расставлены конные посты и установлены раз'езды.

Как вооружалась контр-революция

С развертыванием военных действий против шаяк Джунаид-хана, в низовьях Аму-Дарьи зашевелились контр-революционные элементы. Щупальцы белогвардейцев от Закаспийского фронта протягиваются в Хиву. Начинается обработка и подготовка населения к активной борьбе с советской властью. Агитация белогвардейских шпионов имела успех среди реакционного и экономически обеспеченного уральского казачества, а также среди местного отсталого населения.

Погромное настроение особенно усилилось с обеспокоенностью в Гурьеве (городок при впадении Урала в Каспийское море) банд генерала Толстова, отброшенных сюда от Среднего Урала чапаевской дивизией.

Связь белых казачьих банд с частями Чимбайского района крепла. Создавалось звено, скрепляющее фронт Колчака с Деникиным. Начало контрреволюционных выступлений положил бывший командующий войсками Аму-Дарьинского отдела и председатель коллегиального представительства Туркеспублики Коноплев. Его поведение, связь с явно чуждыми элементами, ослабление дисциплины и распушенность красноармейских частей, которыми он командовал, выдвигали вопрос о снятии его с ответственного поста. Во время его пребывания в Петро-Александровске военные части грабили население, производили насилия; были даже случаи торговли женщинами. Коноплев сеял вражду между пришлым населением и уральцами. Великодержавный шовинизм, особенно проявлявшийся со стороны казаков, всячески поддерживался Коноплевым. В городе ходили слухи о связи Коноплева с асхабадскими белогвардейцами. Ход событий ускорила сама Коноплев.

21 февраля 1919 года он скрылся из Петро-Александровска. Вместе с ним бежали Цилик, Карпенков, Усынин и Ефременко. Военный совет вынес решение об их аресте.

Беглецы были захвачены и под конвоем отправлены в Чарджуй, в Штаб Закаспийского фронта. Ночью во время привала, пользуясь сном и безбедностью конвойных, арестованные захватили оружие и, перебив нескольких красноармейцев, скрылись, по сведениям, к асхабадским белогвардейцам.

Население Аму-Дарьинского отдела было разграблено шайками Джунаид-хана. Создался острый продовольственный кризис. Запасы продовольствия истощились, и Красная армия влачила полуголодное существование. Не было обуви и обмундирования. Такое положение было на руку белогвардейским элементам, широко развернувшим свою работу, особенно в казачьих частях.

Заирская казачья сотня вышла из повиновения гарнизонного командования и самовольно ушла в Заир.

В июле, по донесению контр-разведки, выяснилось, что хивинское правительство, под нажимом асхабадских белогвардейцев, готовится к возобновлению военных действий против советской власти. Эти сообщения подтверждались усиленным передвижением вооруженных шаяк по Аму-Дарье.

В красноармейских частях и среди казаков велась открытая контрреволюционная агитация. Части натравливались одна против другой. Накусский гарнизон разделился на два лагеря. Уральские казаки заняли определенно враждебную позицию к советской власти.

Восстание уральцев

Предлогом к открытому выступлению третьей Заирской казачьей сотни послужило обложение контрибуцией казаков Чевелева и Мордвинова, как представителей крупного кулачества, и требование начальника Аму-Дарьинской экспедиции выдать казака Филичева. Командир сотни Филичев, ставленник Коноплева, монархист по убеждению, стопроцентный кулак, пользовался большим авторитетом у казаков.

Командир Аму-Дарьинской экспедиции т. Наумов вызвал в Петро-Александровск Филичева, Сальникова и Гуторева, ответственных за самовольный уход сотни из Нукуса. Но они не явились. Вместо ответа казаки потребовали возвращения взятой контрибуции, угрожая расправиться с властью.

10 августа, по просьбе чрезвычайной комиссии в Чимбае, для разоружения третьей Заирской казачьей сотни из Петро-Александровска был выслан в Нукус экспедиционный отряд в 80 красноармейцев, при двух пулеметах и одном орудии. Во главе отряда стоял тов. Замыслаев, которому и были подчинены войска Нукусского и Чимбайского гарнизонов.

Пока отряд т. Замыслаева был в пути, в Чимбае произошли крупные события, предрешившие гибель этого отряда.

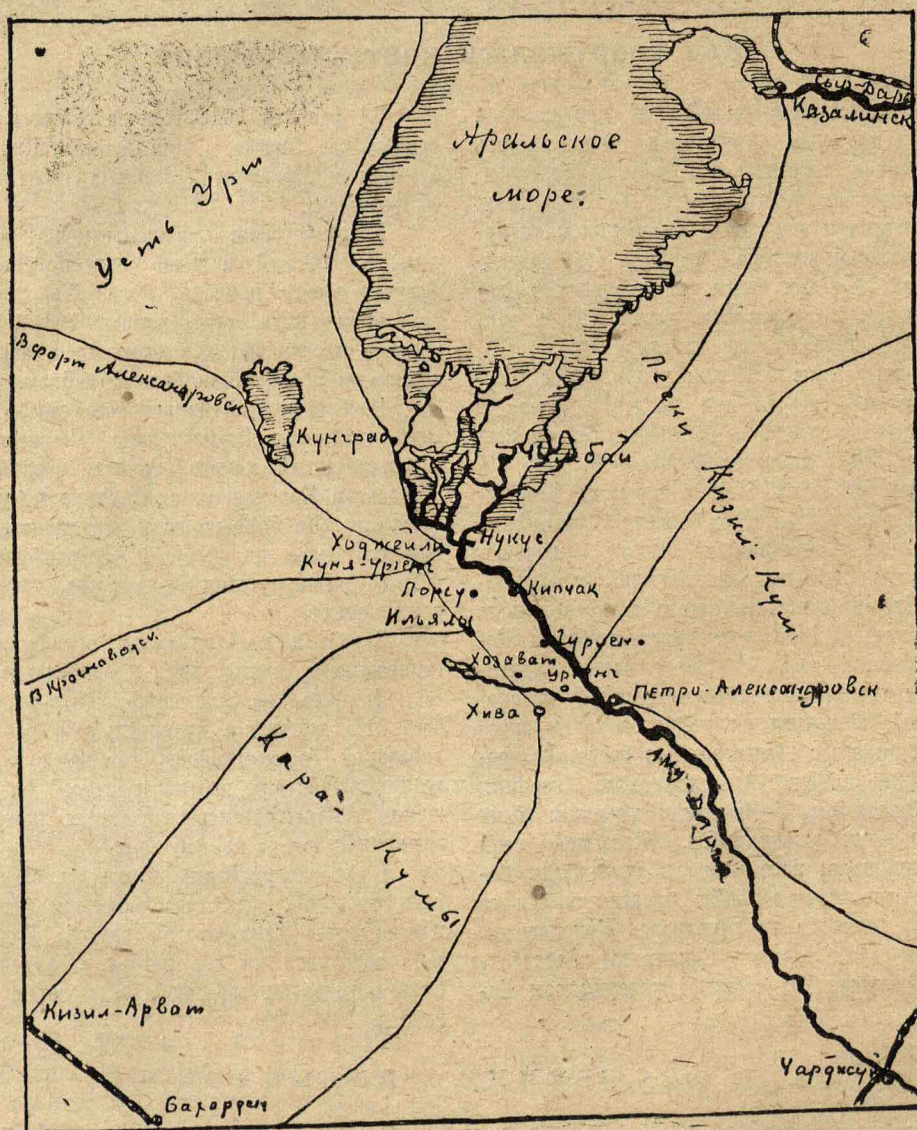
В Чимбай прибыла специальная комиссия для мирного улаживания создавшегося конфликта. Во главе комиссии были представитель по хивинским делам т. Христофоров, председатель исполкома Аму-Дарьин-

ского совдана т. Касьяненко и зав. военным подотделом т. Сладков. Весь же состав комиссии, вместе с конвоем, состоял из 30 человек. Т. Христофоров организовал ревком. Казакам было предложено немедленно сдать оружие. В ответ на это казаки, 20 августа в 2 часа дня внезапно напали на ревком. Члены ревкома и конвой не были подготовлены к отпору. Некоторые были убиты, остальные обезоружены и арестованы.

Бывшие в городе красноармейцы также подверглись нападению, и их быстро разоружили; забрали винтовки, патроны, три пулемета и два орудия. В тот же день восставшие выступили навстречу отряду т. Замыслаева. Встреча произошла ночью, в 19 км. от

вызывали и отводили к ближайшему арыку Кечели. Пленных в числе 28 человек выстроили вдоль арыка, и по ним открыли беспорядочную стрельбу. Были расстреляны т.т. Христофоров, Касьяненко, Сладков, Юнузов, Замыслаев, Николаев, Липовский и др.

Вскоре к восставшим присоединились 500 мусульман (балобайцев), хорошо вооруженных, а также нукера (солдаты) хана Максума. В уезде все волости, за исключением двух, также примкнули к восставшим. Непокорные волости казаки обложили контрибуцией. С Джунаид-ханом были установлены дружеские отношения. Заирский кулак, казак Филичев, стал именоваться атаманом и встал во главе белогвардейского

Чимбая. Казаки остановили отряд, когда он двигался по узкой ложине, сдавленной с обеих сторон дувалами. Замыслаеву предложили сдать оружие. Отряд перестроился по боевому и открыл огонь по казакам. Неравный бой продолжался до рассвета, после чего отряд сдался и был обезоружен. Пленных под конвоем отправили в Чимбай. В отряде больше половины было из строя, 18 человек было убито.

В городе пленные подверглись зверской расправе. Они были заперты в одном из помещений хлопкового завода «Хива». По заранее составленному списку их

кулачества. Им была установлена живая связь с казначеем штабом в Гурьеве.

В низовьях Аму-Дарьи распространялись печатные обращения генерала Толстова на русском языке. В обращении он призывал «славных тружеников» к борьбе за общее дело и за веру, вспоминал известный поход с текинцами генерала Корнилова и обещал всяческую поддержку.

Тяжелое положение на низовьях Аму-Дарьи было учтено Штабом Закаспийского фронта, и в начале августа из Чарджуя в Петро-Александровск была отправлена коммунистическая рота под командой т. Шай-

дакова. Аму-Дарьинский отдел был объявлен на военном положении. К коммунистической роте присоединились две роты петро-александровского гарнизона, при четырех пулеметах и четырех орудиях. Находившаяся в Петро-Александровске первая казачья сотня сдала добровольно оружие. Вторая сотня, стоявшая в Уральском поселке (в 20 километрах от города), сдать оружие отказалась.

С уходом отряда Шайдакова в Чимбай гарнизон Петро-Александровска сократился до двухсот красноармейцев.

В Уральском поселке Шайдаков застал лишь детей, женщин и стариков. Казаки заранее выехали, и их разоружить не удалось.

Узнав о продвижении красноармейского отряда, казачьи банды, сосредоточенные в укреплениях Нукус, спешно эвакуировали в Чимбай все ценное, а сами отступили и заняли позицию в 13 км. от Нукуса, в чимбайском направлении. При этом они уничтожили переправу на двух глубоких арыках. В Нукусе т. Шайдаков получил подробные сведения о последних событиях—разгроме отряда т. Замыслаева и расстреле казаками большевиков.

В Нукусе выявилось соотношение сил обеих сторон.

В отряде т. Шайдакова было четыреста двадцать бойцов. Бросить их целиком на казаков было рискованно, так как обстановка требовала оставления на месте надежных сил для охраны парохода, на котором прибыл отряд.

Белогвардейцы имели 500 казаков и до трех тысяч кара-калпаков. С ними было два орудия и три пулемета. Заняли они удобную позицию в пустых тугаях, отгороженных двумя глубокими арыками.

Условия были далеко неравные. Кроме того, дальнейшее продвижение отряда вглубь Чимбайского уезда, при наличии в тылу и слева шайки Джунaid-хана, грозило отряду гибелью.

Сделали попытку ликвидировать восстание мирным путем. Вступили в переговоры. Но главарь белогвардейцев чувствовал за собой силу. Они выдвинули такие условия: 1) полная свобода и неприкосновенность инициаторов событий и виновников произведенных расстрелов (Филичева, Сальникова и др.); 2) предоставление Чимбайского уезда в ведение казаков и невмешательство советской власти в их дела; 3) выдача казакам двух пулеметов, 50 винтовок, патронов, снарядов, пулеметных лент и т. д. и 4) выдача казакам обмундирования, жалованья и продовольствия.

В ответ на наглые требования казаков им было отправлено письмо, в котором указывалось, что их, как врагов советской власти, ждет беспощадная расправа, если они не опомнятся и не сдадут оружие, и что спровоцированные на борьбу темные массы мусульманского населения вынуждены будут жестоко расплачиваться за казаков. В заключение казаки призывались не поддаваться провокации кулачья.

После этого отряд т. Шайдакова возвратился в Петро-Александровск. В пути пароход подвергался нападению со стороны шайк Джунaid-хана.

В октябре 1919 года со ст. «Аральское Море» был погружен на пароход отряд красноармейцев (бывш. боевой поезд т. Ревякина), который и направили на остров Муйнак. С его приходом уральцы вторично пытались подчинить своему влиянию остров, но на этот раз они потерпели поражение. Красноармейцы встре-

тили их метким огнем, и нападавшие понесли крупные потери.

В начале ноября военным штабом в Петро-Александровске получены сведения о положении на Муйнаке и о силах противника. Из Чарджуя к этому времени прибыл уполномоченный Закаспийского фронта т. Скалов с отрядом. Решили приступить к активным действиям против белогвардейцев, уральцев, кара-калпаков и шайк Джунaid-хана.

Было составлено два отряда: северный и южный. Южный отправился из Петро-Александровска на Новый Ургенч. Северный, под командой т. Шайдакова, вышел из Петро-Александровска 11 ноября по маршруту: Нукус—Ходжейли—Куля-Ургенч—Пореу—Ташауз.

18 ноября судна с отрядом Шайдакова подверглись обстрелу с левого берега со стороны комудов. В результате боя один красноармеец был убит. Наши части огня не открывали. В этот же день было получено донесение о стычке красной кавалерии с казаками под Ходжа-Кулем. Под напором превосходящего силами противника наш эскадрон отступил к горам.

На другой день, по прибытии судов в Ходжа-Кули, получено извещение о вторичном бое с казаками, в числе 600 человек, напавших на наш эскадрон. На выручку была послана полурота пехоты.

21 ноября весь день шла ожесточенная перестрелка с комудами. Совместным ударом пехоты и артиллерии на левом берегу противник был отброшен с большими потерями. На правом берегу реки велось наступление на казаков.

В течение трех дней артиллерия и пехота выбивала казаков из тугаев, тянувшихся на 20 километров по правому берегу Аму-Дарьи.

24 ноября наши части подошли к укреплениям казаков, расположенным в 13 километрах к югу от крепости Нукус. Глубокие арыки были использованы противником как окопы, установлены пулеметные гнезда. По обоим берегам Аму-Дарьи находились трехдюймовые орудия. Кроме артиллерии, противник располагал силами в 600 казаков и до трех тысяч кара-калпаков. Целый день бой продолжался без результата, и только с наступлением ночи передовая цепь красноармейцев, забросив арык, где засел противник, гранатами, заставили его отступить. Джунaid-хан, видя неудачу казаков, перебросил им на помощь 800 всадников.

Следующие два дня шли упорные бои за овладение Нукусом. В ночь на 27 ноября казаки покинули крепость, а всадники Джунaid-хана перебрались на левый берег и рассеялись. Крепость была взята.

В Нукусе состоялись похороны 18 красноармейцев, убитых в бою. До пятидесяти раненых были помещены во вновь оборудованном лазарете.

Уральцы, вытесненные из крепости, вскоре оправились от понесенных потерь. В помощь им генерал Толстов выслал из Гурьева около 200 казаков. Окрестности Нукуса были наводнены бандами, которые пытались отрезать крепость от Петро-Александровска. Несмотря на это, связь нукусского гарнизона с Петро-Александровском поддерживалась через пески кружным путем.

В начале декабря петро-александровский гарнизон получил подкрепление—прибыл 3 батальон 5 Туркестанского советского полка. В Нукусе был отправлен военный транспорт в сопровождении красноармейской роты.

Это дало возможность отряду т. Шайдакова оставить небольшие гарнизоны в Нукусе и Ходжейли и двинуться дальше по направлению к Куля-Ургенчу.

В этот период южный отряд разбил шайки Джунаид-хана и занял Хиву без боя. Хивинский хан Сеид-Абдулла, ставленник Джунаид-хана, бежал.

В Ташаузе произошло слияние отрядов. Хивинская сторона была очищена от бандитов. Джунаид скрылся в пески.

Вскоре казаки, собрав силы, вновь напали на Ходжейли и Нукус. Гарнизон укрепления Ходжейли был разбит, начальник гарнизона т. Костюков с 20 красноармейцами бежал, остальные были перебиты. Ходжейли был в руках казаков только несколько часов. Подоспевшим отрядом т. Шайдакова казаки были выбиты с большим уроном и отброшены к Кунграду. Отряд т. Скалова прибыл в Нукус.

В это время на уральском фронте белые терпели поражение за поражением. Красные подходили к Гурьеву. Генерал Толстов, собрав разбитые банды, в количестве 700—800 человек, ранней весной 1920 г. двинулся с награбленной добычей через Усть-Урт и далее через пески в надежде перебраться в Персию. Совершив трудный переход по кара-кумским пескам и растеряв до половины людей, погибших в пути от немощных лишений и недостатка воды, он добрался до линии дороги. Здесь, обманув хитрым маневром бдительность красноармейских застав, Толстов ночью проскользнул между Кизил-Арватом и Казанджигом и скрылся в Персию.

В Чимбае и Кунграде между казаками начались разногласия. Беднота, обманутая своими вождями-кулачем, решительно стала на сторону советской власти. К т. Скалову в Нукус прибыла мирная делегация. Было достигнуто соглашение. Казаки сдали оружие. Фронт был ликвидирован.

Фото-этиюд Б. БАШ

Туркмен-землероб